

Filurea
Наследие Драконьей Крови

Filurea Filurea

Наследие Драконьей Крови

<https://litres.ru/74108099>

SelfPub; 2026

Аннотация

В мире, рожденном из пустоты, где земля — угасшая звезда, правят хрупкое равновесие и древние страхи. Близнецы Владимир и Владлина, наемники с кровью драконов, заключают сделку с демоном, чтобы силой объединить разрозненные королевства. Помимо армий эльфов и орков, на пути встаёт и иные расы, чья магия может оказаться опасной для любой жизни.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	26
Глава 2	71
Глава 3	113
Конец ознакомительного фрагмента.	178

Наследие Драконьей Крови

Пролог

— С начала ничего не существовало. Была только пустота. Тёмная. Но потом в этой тьме появился свет, а за ним и другие. Появились первые звёзды в этой тьме, а за ними и то, на чём мы ходим до сих пор — наша земля. Но на тот момент она не была такой, какой мы видим её сейчас, она была камнем. Звездой, что раньше светила среди своих собратьев, но её свет потом угас. И как-то раз на этот камень упали звёзды, что блуждали по просторам тьмы. Каждая звезда поделилась своей искрой с камнем, так появилась трава, вода, небо. Это малая красота жизни. Потом другая звезда подарила ещё жизнь, создав прекрасное создание, а за ним и других. Те получили от звёзд искры и стали творить «чудо» — другие виды. Дети звёзд породили и своих детей, а те — своих, и те — своих. Но мало кто мог обладать тем, чем обладали их родители, и их дети стали называть их богами. Только у каждого момента в жизни происходит и не — не успела договорить свою историю женщина, как дверь дома распахнулась от резкого удара. Две девочки слушающие историю пороняли свои игрушки. Одна уронила куклу из соломы, а вторая — маленькую вырезанную игрушку в виде дракона.

— Ох ты ж, какой ливень, — в дом вошёл высокий мужчина, пригнув голову, чтоб не удариться об дверной косяк, а за ним — трое мальчишек с разницей в росте. Первый доставал отцу по пояс, второй — до плеч брата, а третий — ниже второго брата, при этом ему было по колено мужчины.

— Братишки! — девочка, что уронила дракона, побежала к братьям, собираясь обнять, но тут же остановилась, заметив, что они мокрые.

— Боги милостивые, — увидев, как с детей и мужчины льётся вода, та быстро вытерла руки и бросилась к ним, помогая младшему развязать верёвку, чтоб снять толстую шляпу из сена. — Мальчики, быстрее снимайте с себя мокрую одежду и бегом в бочки с готовой водой. — Она указала на закрытую деревянную дверь и, сняв шляпу, перешла к мино¹.

— Мам, но мы А-а-пчхи! — чихнул средний.

— Вот и чихать стали. Авродар, помоги братьям. Папа сам разберётся. — Старшая сестра принимала с рук папы добытые в лесу фрукты и орехи. Услышав просьбу матери, та при помощи магии переместила по воздуху корзинки к столу, на котором были разложены тарелки, кружки и глиняная посуда посередине.

— Ух ты! А наша старшенькая девочка уже и такое может, — возрадовался отец от способности дочери. Та от похвалы плечи подняла, головку прижав с улыбкой. Пока девочки по-

¹ Мино — традиционный японский соломенный плащ.

могали братьям, отец семейства занёс кабана в помещение.

— Ой, нет! Быстро в погреб! — Увидев добычу с охоты, мама показала на улицу.

— Слушаюсь, хозяйюшка, — мужчина вышел из дома, по-неся за собой не только кабана, но и привязанных за лапы зайцев.

Раздевшись до нижнего, мальчики побежали в комнату, куда им указала матушка. Братья заняли вместе бочку, где была налита тёплая вода. Старший из братьев направил руку на железный таз. Крышка сдвинулась сама по себе, и вода, что была там, пошла змейкой в их воду. Братья встали по сторонам, чтоб кипяток их не ошпарил. Почувствовав, как вода стала ещё теплее, змейка оторвалась от воды и вернулась в свой таз, закрыв ту самую крышку. Братья по очереди стали окунаться в воду, расплёскивая её и смеясь от данного развлечения.

Младшенькая из дочек принесла братьям тряпки, чтоб те вытерлись, и рубахи со штанами. К ним зашёл отец, снявший с себя промокшую одежду.

— Так что у вас тут? — опустил руку по локоть. — Нет. Такое ваша мама не примет. — Из руки стали выходить пузырьки, потом больше, и больше.

— Папа, всё! — младший крикнул папе. Пузырьки прекратились, рука вытянута с малым покраснением. Мама забежала в умывальню. Коснувшись бочки, та ошпарилась.

— Игдраил! Владимир мог вскипеть от такой воды! —

та взяла тряпку, показывая младшему вылезать. Увидев покраснения на коже, когда ребёнок вылез, та на малом расстоянии от кожи расправила ладонь, из которой вышло свечение. Покраснение ушло.

— Найдамир, ты когда воду набирал, всё было хорошо?

— Мы воду расплескали, видно, из-за этого она стала снова холодной, — ответил старший.

— Папа хотел, чтобы мы согрелись, и ты не переживала, — ответил средний.

— Раз вы так говорите, папа сегодня не будет руганым, — посмотрела на папу. Тот показал на бочонок, собираясь сказать. — Быстрее вылезайте, как согреетесь, и за стол. Сегодня уха и картошка с олениной.

— Ура! — крикнули братья.

— Салат никто не отменял, — опечалились. — Перед сном молоко с мёдом дам, чтоб и ночью прогрелись.

— Хорошо, — ответили дети синхронно.

Оставив старших братьев с папой в умывальне, мама с младшим сыном пошли в семейную комнату, вытирая и одевая его.

— Мам, я уже не маленький. Я сам состояниии одеваться.

— А для меня вы все всегда останетесь малышами. Как ты, так и твои братья и сёстры.

— Я люблю тебя, мам.

— Я тебя тоже.

— А меня? А мне?! — выбежала из двери младшая дочка.

— И Авродар, и Найдамира, и Зимдира, и тебя с Владимиром, и вашего невылупившегося братика или сестрёнку. И папу вашего тоже люблю. Моей любви на всех хватит, — мама обняла мальчика и девочку, поцеловав каждого в щёчку.

Спускаясь по каменным ступеням в глубокую темницу, группа опустилась до последней ступени. Впереди стоящий отличался от других, он держался более величественно.

— Ваше величество, — сказали хором двое солдат у большой железной двери.

— Без происшествий? — задал вопрос король.

Солдаты переглянулись. Один прокашлялся, другой шмыгнул.

— Сегодня тихие. Особенно женщина.

— Женщина? — задал вопрос эльф.

— Вы поймёте, лорд Морнэмир, — шмыгнул тот же самый солдат.

— Ну-у Посмотрим на них.

За дверью. За несколько минут до этого.

— Ай-2.

— Попал.

— Бей-2.

— Попал.

— Вэй-2.

— Да хватит!

— Убил?

— Попал!

— Гэй-2.

— Убил! Да как так? Ты Ты Жулик! Как ты смог? Я в тебя ещё ни разу не попала, а ты троих воинов и лучника теперь убил.

— Сказать тебе честно, Владли, я изначально не хотел браться за края, а у тебя так выходит, что получается. Но это ещё не победа. Давай дальше. Может, отыграешься.

— Обязательно отыграюсь. Так.

— Вообще-то, я иду. Так Джэй-2.

— Мимо. Так Жэй-4.

— Мимо.

— Да за что, блин?!

— Такс — вода пальцем по нарисованным квадратам, что были пусты, и квадратам с точками и зачёркнутыми полосами в четырёх квадратах и одной тройке по верхней части поля битвы, выбирая, куда нанести удар. Палец опустился в нижнюю часть поля. — Джэй-5.

— Мимо, — заметив лёгкий выдох своей сестры, что сидела напротив него по другую сторону камеры. Их разделяла решётка с маленьким коридором, но и это им не мешало развлечься, играя в «Поле сражений». — Теперь я Пускай будет Е-4.

— Попала.

— Ура! — увидев улыбку радости от малой победы, та поставила полосу. — Эм Е-3?

— Попала. Идёшь смело вниз.

— Ну, зачем?

— Что «зачем»?

— Это же подсказка. Ты обещал.

— Я ничего не делал, — показал ей ладони, что были покрыты пылью.

— Хм... — надула губы. — Е-5.

— Уби-и-и-ла.

— Ты просто подсказал.

— Но посмотреть, как ты улыбнёшься, куда приятнее, чем видеть тебя печальной, — та посмотрела на него с лёгкой улыбкой.

— Извини.

— За что, Владли? Это только игра, а в бою ты молодец, — посмотрел на дверь из железа. — Похоже, кто-то идёт и много.

— Ну, посмотрим, кто на этот раз.

Звуки прокручивания замка, колёс, щелчки...

— Зачем столько замков? — посмотрела Владлина на брата.

Дверь открылась.

— Зачем столько замков? — задал вопрос король.

— Так, девчо — хотел договорить солдат, как та самая

девчонка посмотрела на него с наклоном головы. — Я лучше промолчу.

— Здравствуйте, дорогие мои гости. Хоть мы вас и грубо привели в данное место.

— А можно к делу? — перебила короля Владлина.

— Можно. Вы голодны?

— Нет, — сказал брат, но живот заурчал у девушки. — Скажите, что вам нужно, поскорее, и мы уйдём, — мигнул сестре.

— При этом оставаясь здесь, — показал король ладошками на помещение.

— Ваше величество, так они выбегали из камер 6 раз и 4 раза сами возвращались, — толпа посмотрела на солдата. — Извините.

— А когда ещё 4 побега совершили? — задала вопрос Владлина.

— Ну, я 4 раза выходил, — все уставились на брата. — Так вы сами виноваты, что условия жизни здесь сделали не для дам. Одеял нет, — загнул палец, — уборной нет, еда ужасная, подушек нет, и воды, чтоб умыться, тоже нет. Вон как у моей сестры живот заурчал.

— Так ты 5 пальцев загнул.

— Одеяла и подушки за раз взял. А ты что выходила?

— Так эти гады не отвечали, где ты. Вот и пришлось.

— Теперь понятно, почему на 2 заходе и на 4-м солдаты менялись так часто.

— Так тебя не было! Вот я...

— Мы пришли к заключённым или попали в семейную ссору? — приблизился эльф к уху короля.

— Да я вот сам удивлён, — смотрит на брата, то на сестру, теперь на брата. — Так, СТОП!

— РОТ ЗАКРОЙ! — крикнули синхронно брат с сестрой.

Король и его свита удивились данной выходке.

— Вы хотя бы знаете, кто я?

— Мужик с улицы. Вот кто! — подняла голос Владлина.

— Лучше дайте ей...

— Так я больше не намерен это терпеть, — вышел вперёд двухметровый мужчина широкоплечий, накачанный и бородатый. — Перед вами его величество Каэлтур Даркнес. Из древней крови Абиссаров².

Брат с сестрой посмотрели друг на друга, потом на короля, что был ниже сестры или с ней одного роста, не столь сильный — просто палка, и лицом вышел как милый люми-эл³, что муху не обидит. Посмотрели потом вновь друг на друга и засмеялись.

— Кровь Абиссаров! Ты слышал, Владимир? Ооо, бездна, у меня живот болит как от смеха, так и от голода, — Владлина стала бить ладошкой в пол.

— Ха-ха-ха. Я скорее поверил бы, что он полугном. Хотя нет, пальцы не такие огромные! Хотя погоди — посмотрел

² похож на болотного крокодила

³ ангелочек

на короля. — Да в нём ничего нет огромного! Ха-ха-ха, ай — резкое поднятие грязи с земли попало в глаза и тут же село на землю, словно на поверхность пыли что-то постелили. Комната стала чистой от пыли.

— Вы обнаглели?! — Владлина резко встала с земли, выпустив когти.

— Лучше тон поубавь, — высказал эльф.

— Лучше уши притупи, эльф. Аль, подраться хочешь? Я не против.

— Тц. Дикарка, — от данного прозвища Владлина бросилась к решётке, схватить эльфа и ударить об прутья, но тот отступил, от чего девушка и так тонким телом не смогла дотянуться.

— Морнэмир, — король посмотрел на эльфа, потом на девушку, та — на брата, что продолжал сидеть на месте. — Извините за нелюбезность со стороны моей свиты, охраны и архитектора. Хотя третье точно не мой рабочий. Позвольте мне представиться: я Каэлтур Даркнес. Из древней крови Абиссаров. Как вас уже уведомил мой дорого почтенный товарищ. Но большая причина вашего прибытия сюда такова. Я собираюсь объединить наш остров в одну целую столицу.

Услышав это, брат с сестрой стали вновь смотреть друг на друга, сестра прямо продемонстрировала своё недоумение. А брат встал с пола.

— Ну, это ваше дело. Нам-то что с этого?

— Есть дело. Но это позже. Сначала хочу рассказать, —

щелчок пальцами, и дверные камеры открылись, — об объединении острова. Можем обсудить данную тему у меня в кабинете, где подадут закуски, или в столовой с большим набором еды, — девушка два раза моргнула брату.

— Столовая.

На них не надели наручники или магические блокировочные браслеты. Они пошли в середину крепости, как предполагали близнецы. Впереди король, за ним охранник и эльф, брат с сестрой, здоровяк и кто-то обмотанный с ног до головы в тёмную ткань.

Поднявшись по лестнице до нужной двери, те вышли в большой зал с большим количеством народа. Кто-то ел за столами, поедая мясо как крупных, так и мелких масштабов, кто-то вёл просто разговор об оружии. Заметив прибывших, гомон приутих, но при этом продолжался. Когда король проходил мимо рядов, многие замолкали и начинали вновь свой разговор. И были те, что смотрели на хрупкое тело Владлины в потрёпанной одежде с босыми маленькими ножками.

— Я знаю, что ты чувствуешь, но потерпи, — сказал ей брат, идя дальше с поднятой головой.

— Оооо, ты даже не представляешь, что я чувствую и на что готова, когда голодна, — у той уже снова когти появились.

— Вы тогда сразу от трапезничаете или можете два дела — не успел договорить король, как у Владлины белки глаз

почернели, радужки стали ярко-синими с белыми полосами.

Те, что сидели рядом, сразу напряглись. Многие, что держали в руках кружки, куски мяса или же овощи с фруктами, положили их на свои тарелки и стали браться за кухонные ножи или сжимать ладони в кулаки; были и те, у кого искрились руки. Были готовы вступить в бой с девушкой, что уже стала бледнее обычного.

— Владли, успокойся, слышишь, — Владимир положил свои ладони ей на плечи, что были напряжены. Девушка резко опустила голову, направив взгляд на пол и начиная громко дышать. — Потерпи немного, и мы скоро уйдём, — по тому, как часто поднимались и опускались плечи, многие заметили, как их темп стал замедляться. Когти становились меньше, бледность стала исчезать. Только глаза из чёрного цвета стали красными, но вернулись в своё прежнее состояние. Собираясь упасть, брат успел её подхватить.

Группа стояла и наблюдала за всем происходящим. Король подошёл к ним. Из-за того что девушка была уставшей и слабой как от темницы, так и от прошлого побоища, когда их схватили, и данная ситуация ей была не столь приятна.

Сняв с себя плащ, неизвестный передал его королю, а тот — брату. Накинув на девушку, прикрыв её.

— Как часто происходят такие всплески?

— Лучше не здесь, и давайте поговорим наконец.

— Хорошо. Несите блюда в отдельную комнату! — от крика короля многие продолжили трапезу.

Владлина прижала ворот плаща сильнее и продолжила с братом путь, сказав шёпотом: «Прости».

Пройдя зал трапезной в первую комнату, что оказалась местом, похожим на кабинет с записями ингредиентов. Поняв, что они в кабинете главной кухарки, та сначала будет в бешенстве, но увидев тощее тело Владлины, сразу успокоится и сразу побежит за добавками.

И долго её ждать не пришлось — с её помощницами, что принесли блюда на 10 персон.

— Кушайте, бедолаги. Наедайтесь как следует.

Владлина без всякого стеснения накинулась на еду, уплетая в обе щёки.

— Владли, ешь медленно и начни с жидкого для начала.

— Сом начхнинай, — с набитым ртом ответила она брату.

— Ох, какой аппетит, — кухарка сказала помощнице принести отдельно пирожки им с разными начинками для людей.

Владимир смотрел, как его сестра ела с аппетитом, радуясь теперь, что она будет сыта. Хоть он и приносил еду, но этого им, а точнее ей, было мало.

— Так зачем вам нужны мы? И что за объединение вы говорили?

— По мне на вид так и не скажешь, сколько мне на самом деле. Но я жил в то время, когда появились кровавые ведьмы. — Владлина замерла. — Тогда многие объединились, чтобы остановить их. Многих видов и народов мы потеряли

в то время. Хотя и был согласован договор между жителями из пустыни Хаоса и многими землями Но мало кто сдерживает слово. Особенно люди, что не живут долго. Они стали бороться потом за власть и территории, хотя вам это и самим известно. В общем, за столько лет мне пришла мысль объединения народов ради одной цели.

— Типа создать единый остров, по которому все ходят, — предположил Владимир направив свой взгляд, услышали все чмок, вышедший из ротика Владлины, косточка куриной ножки без мяса и набитые щёки. Та лишь направила конец ножки в другую сторону, посмотрев на брата, демонстрируя: «Я ем, и мне можно. Так что не лезь».

— Именно. Многих, кого вы видели в трапезной и вот здесь, — повёл рукой по комнате, — были изгнаны, ушли сами из своего племени и народа. Стали, скажем, отшельниками. Как и вы.

— Мы не они, — высказалась Владлина, засунув перед этим грибы в рот, приготовленные на костре или на сковороде.

— Разве? — вступил в разговор эльф, смотря, как Владлина на него посмотрела, выпуская молнии. Тот хмыкнул. — Был наслышан, что вы жили вместе с бывшим солдатом, ставшим грабителем, и обучавшим вас — не успел сказать эльф, как его облили жидкостью из кубка. При этом сам кубок стоял на месте. — Неожиданно но стоило ожидать, — облизнул угол рта, испробовав на вкус данной жидкости, что

влетела в него без движения рук.

— Также я знаю, кто вы и чем занимались всё это время, — продолжил король, забыв сразу данную сцену. — И кроме этого, и то, что вы дети Игдраила.

Услышав это, комната погрузилась в резкое молчание, сами свечи, что были до этого слышны, затихли и замерли на одном месте. Владлина не успела проглотить то, что было у неё во рту, осталось там же. Владимир так и стоял со скрещёнными руками, но то, как на его лице стали появляться рельефы в виде треугольников, а потом и вовсе чешуя чёрного цвета.

— Не смей произносить его имя, — его голос изменился, стал звериным, грубым, слова рычали и предупреждали о плохих действиях. Сестра глотнула.

— Я в курсе и про то, что у вас есть сестра и трое братьев, которые обосновались на одном острове, что похож на тело Перводракона. Перводраконы жители выбравшиеся из Бездны. А вы решили остаться здесь. Нет, это ваше дело. Но такие, как вы, мне нужны, и, зная, что твоя сестра страдает от переизбытка энергии — услышав это, теперь и Владлина стала превращаться. Глаза стали чёрные, когти длиннее, кожа вновь стала бледной. — Так что мы оба получаем выгоду. Твоя сестра может выпускать весь свой запас энергии на войну и возможно, как и ты, обратиться полностью в дракона. А вы мне нужны с вашими талантами. Владимир, ты превосходный стратег и командующий. Пока ты был граби-

телем, все ваши нападения-грабежи происходили успешно. Владлина, тебя обучали сама матриарх последняя из своего народа, дав знания и контроль. Но и этого тебе мало, ты хочешь обладать всеми семью законами хаоса.

Услышав это, спутники короля были в шоке. Увидев их удивление, похоже, они не знали но теперь знали и понимали, насколько эти двое точнее, эта девушка опасна.

— Похоже, вы много чего о нас узнали, — сказала Владлина, бросив откусанный ей гриб. Встав со стола.

— Можете считать меня кем хотите, но я предлагаю вам дать возможность в том, чтобы многие из народов объединились в одно целое. Вы же сами видели, что многие делают с теми, кто им попался на пути: их продавали на чёрном рынке. А многие называют то время дуростью и трусостью. Ваше дело решить и сделать выбор.

Брат с сестрой посмотрели друг на друга, пока король подозвал эльфа, и тот дал свёрток. Раскрыв его, Владлина с Владимиром отвернулись ото всех, пытаясь как бы договориться между собой.

— Я ему не верю, — сказала с подозрением Владлина, в один момент схватив зелёное яблоко и откусив первый кусок.

— Знаю, — положил ладонь ей на плечо, притянув ближе, и положил вторую ладонь. — Послушай, если это поможет, то ты не будешь стра...

— Я и так себя хорошо чувствую, — с рычанием сказала

она ему, но, осознав, с кем она так заговорила, опустила голову. — Прости.

— Владли, ты не виновата в том, что с тобой происходит, — он встал перед ней. — Если это поможет, то ты сможешь прожить спокойно без всяких проблем, — она смотрела в пол, держа в воздухе яблоко, один раз откушенное, а сама держала себя руками. — Давай ты постоишь, подумаешь, а я пока посмотрю, что выйдет, — он взял яблоко и дал его Владлине в ладонь.

Подойдя к столу, где лежала карта с непростым изображением острова, а с полными рельефами видимости и тем, как текли реки и были видны волны в озёрах.

— Таких карт мало, — сказал ему король, стоя на стороне «Ледяная пустошь»⁴. — Да и картографов такой масти, как пятьдесят лет, нету в живых, — поднял глаза. — Могу рассказать о данном плане по завоеванию, но можете и свою точку зрения предоставить. Владимир встал в сторону «Остр-Арид»⁵. — Всего мы собираемся завоевать пять главных королевств людей, — взмахом ладони на карте появились фигуры с коронами. — Три территории эльфов, — по щелчку появились фигуры разных эльфов: Эльдары⁶, Кхазад⁷ и

⁴ север

⁵ похож на болотного крокодила

⁶ похож на болотного крокодила

⁷ похож на болотного крокодила

Сильваны⁸. — И кроме них территории Крагги⁹ и Груллы¹⁰.

Услышав это, Владимир хмыкнул, смотря на карту с фигурами. Больше стратегия по масштабным точкам по завоеванию, но с крагами будет вопрос. И мало кому известно, где обитают груллы.

Хоть груллы и тупоголовые создания, но они научились за столько лет выживать в местностях.

— Скажите честно, — к столу приблизилась Владлина. — Насчёт груллов — это шутка, — это звучало как утверждение, а не вопрос.

— Нет. Груллы имеют малые возможности размножения, но — на карте появились красные точки в области Тёмного леса, Леса Марифан и нескольких равнин. — в последнее время их нападения участились. Они стали не только нападать на проезжих по дорогам, но и по деревням.

— Больше похоже на зачистку груллов, — вывел свою гипотезу Владимир, смотря на Владлину, как та от увиденных пятен ужаснулась.

— Можно и так сказать, но нашей целью будет объединение.

— А что с боргунами Гномы и другими расами? — спросила Владлина, показав на высокие горы в сторону «Ледяной пустоши», где обитали в основном боргуны, кхзад и крагги.

⁸ похож на болотного крокодила

⁹ похож на болотного крокодила

¹⁰ Тролли

— Насчёт боргунов тут такая проблема — начал говорить король.

— Они больше стали вести отшельническую жизнь, — ответил эльф.

— То есть? — спросила Владлина, перевернув стул спинкой к столу и села, раздвинув ноги. От чего часть мужчину как то заулыбалось, а кто-то стал смотреть куда-то.

— Точно не известна причина, но и те, что с нами, из разных Бригад, — ответил король, выпрямившись от стола.

Проведя по карте, красные точки исчезли, оставив только фигуры. Владлина положила руки на спинку стула и стала посматривать на карту снизу вверх. Владимир изучал.

— С чего вы решили начинать? — после долгого молчания спросил Владимир.

— С этих двух королевств, — две фигуры поднялись, появилась жёлтая стрела, наконечник был указан вниз. — Это мы, — ответил король на появление стрелки.

— Плохой вариант, — ответил Владимир. — Лучше начать с «Остр-Арид» и подниматься к «Ледяной пустоши».

— Почему такая стратегия? — задал вопрос Морнэмир. Владимир хмыкнула, и Владлина посмотрел на брата.

— Скоро зима. Чем ближе к «Остру», тем меньше снега и холода. Припасы будут стабильны для начала. Здесь одно королевство людей из вашего списка нападения, и они больше расширены своей ловлей рыб, моллюсков и многими другими морскими живностями, а нам это пригодится в будущем.

Но и вместе с этим. Здесь, — указал пальцем на джунгли, — есть обитатели: Болотные Дракониты¹¹ и Глубинные ползуны¹². Услышав эту информацию, не только верные короля, но и Владлина посмотрела на Владимира как на безумца.

— Зачем они тебе? — задал вопрос король, посмотрев сначала на неизвестного, потом на Владимира.

— У Болотных драконит крепкая чешуя. Она подойдёт больше на малую броню. Из кожи получается прочная...

— Мы в курсе, что из себя они представляют, но зачем они тебе конкретно, — потёр король переносицу на носу.

— Болотного — на лучников и волшебников, а Ползуна — на создание яда, кожу можно использовать на создание экипировки.

Услышав эту идею, многие посмотрели друг на друга, Владлина посмотрела на карту, потом на брата.

Каждому в помещении было известно, что поймать одного из этого вида уже смерть, а чтобы использовать в войне, их там надо поймать больше десяти штук и больше всего в этом помогут...

— На что ты будешь готов обмениваться с сильванами?

Сильваны больше всего разбирались в этих тварях, и они живут с ними как на одной волне, только мало кому удавалось найти их племена. Все задумались.

Незнакомец сдвинулся с места, подошёл к королю, встав

¹¹ похож на болотного крокодила

¹² похож на болотного крокодила

за спиной. Король направил взгляд на незнакомца. Словно вели молчаливый разговор.

— Хорошо, — ответил король и посмотрел на собравшихся. — Владимир, можешь написать отчёт по тактике войны и принести мне завтра в это же время?

Владимир посмотрел на карту. — Можешь забрать карту. Я оставлю её в таком же виде для тебя. Можем завтра всё обсудить, а пока — выйдите.

Свита вышла из кабинета первой, за ними — Владимир с Владлиной, забрав карту. С королём остался только незнакомец.

Владимиру с Владлиной предоставили удобную одежду, наевшись перед сном и выделив удобное место для сна. Владлина сразу легла спать, с большим удовольствием крутясь по матрасу из стороны в сторону перед тем, как заснуть. Владимиру перед тем как лечь осталось сделать отчёт о завоевании и предоставить королю.

Король читал доклад на улице, выгуливая своих псов. Каждый раз при помощи магии кидая палку, он отправлял их бежать и приносить её обратно.

Закончив читать, он щёлкнул пальцами, и отчёт исчез в воздухе. Он посмотрел на своих собак, которые боролись за палку, чтобы получить сухое мясо от хозяина за выполнение задачи.

— Из прочитанного отчёта я понял всю структуру и то,

какие выгоды мы получим от этого. Но бывает и такое в жизни. — повернулся к Владимиру что был одет в первый мундир. — Предположим, что всё, что ты предоставил, пройдёт гладко, но если произойдёт что-то непредвиденное?

— Я отвечу сейчас за себя и за Владлину. Мы справимся.

— Хорошо. Будем скреплять наш союз договором или сделкой?

Глава 1

— Вот так. Молодец. Держи.

Мужчина сидел за спиной мальчика, который натягивал тетиву лука, чтобы спустить стрелу в золотую лань. Её шкура на свету так прекрасно переливалась, словно была из чистого золота, а мясо считалось невероятно вкусным. Чтобы натолкнуться на неё, требовался не день и не два.

— А теперь... Стреляй.

Мальчик опустил тетиву, и стрела полетела к своей цели. Она вонзилась в бок, в зону живота. Лань с криком начала падать, дёргая ножками.

— Молодец.

Мужчина потрепал мальчика по голове, словно собаку, принесшую хозяину ценную добычу. Тот встал и пошёл к лани. Мальчик же продолжал сидеть, закидывая лук за спину. После сотен выстрелов и многочисленных тренировок ему было уже не больно и не тяжело, хоть он и был полукровкой...

— Владимир! Что сидишь там? Иди сюда.

Мальчик встал с земли и подбежал к своему наставнику. Тот велел Владимиру вынуть стрелу и перерезать зверю горло.

— Твоей сестренке точно понравится.

Упомянув сестру, Владимир нахмурился. Она всё лето пребывала в учении магии, а он учился охоте, владению ме-

чом и другим оружием. Многие из орудий были тяжелы для Владимира, но он упорно обучался всему.

Он не жаловался, не ныл, не умолял. Он понимал, что всё изменилось после того случая, изменилось для них всех. И теперь его целью стало защитить ту, что сейчас была рядом с ним.

Аура сгущалась. Воздух вокруг становился густым и тяжёлым, словно в нём и не было кислорода. Остались лишь пустота, и любой, кто ступил бы в этот круг, мгновенно задохнулся бы.

Девочка сидела в середине вихря, что кружил над ней. А она сама светилась синим цветом, исходящим из её тела. Больше всего это напоминало снежную бурю, пронизанную искрами молний.

— Очень хорошо, — напротив неё, на почтительном расстоянии, сидела старушка. Она наблюдала за девочкой. — Ты неплохо справляешься. — Её голос был глухим и хриплым, выговаривать больше трёх слов подряд ей было трудно.

Девочка раскрыла глаза, которые светились тем же пронзительным синим цветом, что и её аура.

Вихрь стал замедлять свой бег, и воздух начал проникать обратно. Когда вихрь ослаб, он быстро рассеялся. Закрыв и вновь открыв глаза, девочка вернула им обычный цвет. Она быстро вскочила с земли и подбежала к своей наставнице.

— Наставница, можно теперь перейти к следующему этапу обучения? — Девочка застыла перед старушкой с озор-

ной улыбкой, спрятав руки за спину и покачиваясь с носков на пятки.

— Ты очень спешишь, Владлина, — ответила наставница. Девочка перестала качаться, опустила руки, улыбка спала.

— Ты научилась... сдерживать силу в себе... но вот эмоции... это самое главное.

Она давно обучала девочку, и то, что та была полукровкой, выдавала её аура. Её неукротимая, мощная аура. У её брата тоже были способности, но в девочке их было черезчур много.

Всё лето наставница обучала её контролировать магию, что бушевала внутри, учила, как удерживать силу на одном уровне... но этого было мало. Владлина была как вулкан, готовый извергнуться в любой момент.

Джунгли Сильвановских племен.

С приближением зимы в джунглях начинался период дождей. Но сейчас погода была без намёка на ливни, стояла звенящая тишина, нарушаемая лишь шелестом листьев.

Сквозь заросли, переплетения корней и стволы падающих деревьев проползал глубинный ползун, выпуская раздвоенный язык, выискивая свою следующую жертву.

Его тело было крупным и длинным, оно весило больше крагины, а чешуя была прочной, словно выкованной из кам-

ня. Чтобы пробить её, нужно было, чтобы змея сана раскрыла чешую, и тогда в узкую щель можно было вонзить клинок. Но и этого было мало. Даже с такими ранениями она оставалась сильной и смертоносной. Самое опасное было в её объятиях, сокрушающих кости, или в трёх парах клыков, из передних которых выплескивалась едкая яд.

Её считали ключевой целью, так как она идеально подходила для алхимических экспериментов и создания брони.

Проползая сквозь папоротники, змея не подозревала, что за ней с высоты следят. На массивных ветках, напоминавших причудливое плетение паутины, затаились несколько охотников. Они не были закованы в броню. Они выжидали, двигаясь за добычей бесшумно, как тени.

Их тела были выше человеческого, кожа отливала зелёным, и они казались невероятно худыми. Со стороны можно было подумать, что они вот-вот падут от истощения, но таково было их естественное сложение.

Они аккуратно двигались за целью, обмазанные специальным ароматом, скрывавшим их запах.

Один из охотников заметил на земле, где проползла змея, нечто серое среди грязи.

— *Су мун*. — охотник решил предупредить сородичей, но в этот момент раздался оглушительный визг.

Змея подняла голову и закружила ею по сторонам, испуская гневное шипение.

Решив не медлить, охотники приготовились к атаке, но

они не ожидали, что увидят на своей территории чужеземцев.

Девушка в серой рубашке направила руки на змею, и та взмыла в воздух, заточённая в сферу из невидимой силы. Змея билась в шаре, яростно шипя.

Охотники-сильваны натянули тетивы, целясь в чужаков, и ответили им своим угрожающим шипением.

— Я долго не протяну! — крикнула Владлина. Существо было невероятно тяжёлым, оно отчаянно сопротивлялось. Владлина выдыхалась с каждой такой охотой, но это было нужно. Ради цели она готова была пройти через усталость.

Её глаза засияли ярче, магия, бьющая из её ладоней, сгустилась. Она с силой подняла шар и швырнула его со змеёй к толстому дереву, затем к другому, и к третьему.

— Остановись!

Владлина ослабла, и шар с ползуном упал на землю. Владимир оказался рядом с оглушённым ползуном в тот же миг. Вместе с ним другие солдаты, крупные и крепкие, набросились на тварь, вонзая крючья в щели между чешуёй. От множества уколов змея затрепетала, пытаясь вырваться. Владимир вскочил ей на голову, натянув перед этим намордник на её морду, чтобы та не пускала яд понапрасну, быстро проткнул глаза кинжалом и ослепил её.

Человек, облачённый в чёрное, подошёл к ползуну, приложил руку промеж её бывших глаз, и та обмякла, перестав двигаться.

— Вот это улов! — завопил один из краггинов.

— *Суше, уни бес!* — прозвучал на незнакомом языке крик. Солдаты увидели местных обитателей леса.

— Провались к чертовой Владли!

Владимир увидел, как его сестра сидела на земле, вытирая кровь с носа. Он бросился к ней, но путь ему преградил сильван, державший Владимира на прицеле.

— Я в порядке — Но он видел, как ей становилось плохо от переизбытка использованной магии. И сейчас это случилось вновь.

— *За вей?*

— Кто-нибудь знает их язык? — спросил Владимир.

— *Уни бес! За вей, суше?!* — Охотники с натянутыми луками были готовы пустить стрелы.

— *Юни* — Владлина заговорила на их языке. — *Юни валет* — она начала бледнеть. — К лагерю нашему — Она потеряла сознание.

Один из охотников, решившись, подошёл к Владлине. Он приблизил палец к её носу.

— *Жифа. Турус*, — один из охотников дёрнул ухом, посмотрев на того, что склонился над Владлиной. — *Оми сарафот. А сей валет* — он посмотрел на людей. — ...*Юни*.

— Как я понимаю, они пойдут вместе с нами, — предположил один из солдат.

— Там с ними и разберёмся.

Лагерь был разбит ближе к границе между этим лесом и следующим. По необъяснимой причине местные твари редко подходили к границам, опасаясь встретить кого-то сильнее их. Размещение было относительно безопасным, но таскать добычу было трудно с дальних расстояний и по таким неудобным тропам, где грязь могла усилить скольжение, было много веток с растениями, и небольшое разнообразие местной живности. Последняя группа охотников таскала своими силами глубинного ползуна, им помогали и местные жители, если хвост или его чешуйки цеплялись за что-то по пути. Владимир нёс на спине обессиленную Владлину после похода, идя впереди всех.

Многие в лагере оборачивались, увидев впервые сильванов, кто-то перешёптывался, посматривая на них. В отличие от дружины, сильваны шли, держа лицо каменным. Добравшись до центра лагеря, товарищи по охоте спустили со своих плеч верёвки, что натёрли кожу под рубашками. К ним подъехала телега с боргунами под командованием Торбина. Он, как и его работники, заметили сильванов, от чего расположили кулаки по бокам.

— И что это значит, Владимир? — грозно заявил Торбин, смотря на сильванов.

— Охота вышла... — посмотрел Владимир на сильвана серьёзным лицом, медленно поворачивая голову обратно к Торбину, поднимая брови и опустив один угол губ. — Не так, как мы предполагали. Можешь забирать ползуна, но по-

ка ничего с ним не делай, пока не дадут приказ. — Усадил Владлину поудобнее на спине. Он посмотрел на сильванов, что были готовы, если что, начать бой. Заметив взгляд Владымира, все посмотрели на него. — Идите за мной.

Придя к главной палатке, самой большой во всём лагере, из неё вышел Каэл'тур. Он был готов приветствовать возвратившихся с радостью, но его улыбка померкла, когда он увидел хозяев леса и Владлину на спине у брата.

— Что произошло? — Король смотрел на Владымира и человека в чёрном.

— Она потратила сегодня слишком много магии. Тело не выдержало.

— Позволь, — не дожидаясь ответа, король коснулся лба Владлины двумя пальцами. Закрыв глаза и вновь открыв, он убрал руку. — С ней всё хорошо. Только ей нужно отдохнуть... И лучше на пару дней.

— Ей хоть и будет приятно это услышать, но она не станет отсиживаться в стороне. Я её знаю. А вот с ними — Владымир повернулся к сильванам. — ...я доверяю вам.

— Разумеется. — Каэл'тур посмотрел на гостей, — *Земля вам к небу*, — мгновенно перешёл на сильванский язык король.

— *Земля вам к небу. Вы вождь?* — заговорил вожак охотников.

— *Вождь. Будем обсуждать?*

— *Это наша территория, не ваша.*

— *Понимаю. Нужна добыча нам,* — он указал на нижнюю часть, где теперь ползун был в телеге и её увозили. — *Я знаю о ваших предпочтениях. Может, договоримся?*

Охотники переглянулись.

— *Ждите нас.* — Сильваны сделали круг, начиная обсуждать между собой, один из них покинул круг и побежал к выходу лагеря.

— *Бездна,* — с улыбкой произнёс король, предвкушая будущие переговоры, вернувшись в свою палатку.

Оставив короля с сильванами, Владимир внёс Владлину в её палатку чуть дальше от его палатки. У всех палатки были не настолько объёмными, как у Каэл'тура, но для каждого хватало места, и тем, кто жил шестером в одной палатке, хватало, но у них не было места для переодевания, и если погода была неладной, то на одну палатку по бочке с водой в равных количествах. Владимиру с Владлиной и таким, как они, были предоставлены отдельные палатки, только к пространству добавлялся стол с записями, отчётами и несколькими книгами. В основном у Владлины были книги про магию. И небольшой беспорядок на столе от таких рутин, но это не портило её.

Подойдя к её кровати, он сел аккуратно на край и стал наклоняться в бок, чтобы Владлину резко не уронил на подушку. Уложив её на кровать, он стал снимать с неё грязные сапоги, потом растянул на поясе ремень, снял боковую сумку

и несколько других ремней, что прижимали рубаху к коже, затем плечники. По хорошему, стоило снять с неё одежду, но она проснётся от постоянной тряски.

— Владли. Владлиии, — тихо позвал он. Но она спала глубоким сном.

Он понимал, что она сегодня выложилась полностью. Улов оказался огромным — целых 7 глубинных ползунов и 5 болотных драконитов за четыре дня. Больше, чем они ожидали. Отряды были поделены, и с каждым было по три волшебника, как и у них. Но те выдыхались после второго ползуна или одного драконита, а Владлина продолжала без их помощи, и вот результат на сегодня. Двух змей она поймала и обездвигила сама, чтобы их было легче схватить. Но третья стала её последней каплей. До этого было трудно их выследить, не то что поймать — выследить. И не попасться во время охоты. Первые разы вышли с двумя потерями навсегда. Потом несколько ранений были серьёзными, вплоть до потери конечностей. Те, кто сейчас восстанавливаются, будут заменены на других из других работ лагеря, когда они присоединятся к большой группе, что приближается к морскому городу. Но они будут только обустривать лагерь.

Услышав, как Владлина зашевелилась во сне и повернулась, Владимир улыбнулся ей. Глядя её косу, он вспомнил, как наставница Владлины постоянно твердила об одном и том же: «Ей нельзя переходить человеческий порог допустимого».

Как тогда, так и сейчас он до конца не понимал, почему ей было запрещено пересекать его. Но в такие моменты, как сейчас, он лишь думал и умолял в душе, чтобы она не переступала эту черту.

Только Владлина редко кого слушалась и с детства делала всё по-своему. Она могла шаг за шагом приближаться к этой границе, и каждый шаг давался ей ценой изнеможения.

В палатку бесшумно вошёл облачённый во всё чёрное — Морок. Так его прозвали многие, и со временем это стало его именем. В основном он общался с Каэл'туром наедине, редко сотрудничал с кем-либо и почти нигде не появлялся. На последней охоте он неожиданно предложил свою помощь. И, как выяснилось, не зря.

Он подошёл к Владимиру, достал бумагу, перо и стал писать. Он либо был нем, либо хранил обет молчания.

«Ты нужен Каэл'туру.»

Владимир вздохнул с недовольством; он хотел побыть в палатке, пока Владлина не проснётся. Но раз он был нужен, значит, так надо. Но перед этим ему стоит снять всё с себя грязное.

— Только в мою палатку ходим. А то ходить как жаба, покрытая в грязи, не особо хочется.

Морок сжал бумагу в кулаке, посветило зелёным светом, раскрыл ладонь — бумаги не было. Он стал писать ещё что-то, хоть Владимир мог догадываться.

«Нет. Ты нужен без малейшей задержки.»

Покинув палатку вместе с Мороком, он направился к шатру короля. Каэл'тур обычно находился там, погружённый в бесконечные дела по управлению лагерем. Владимир и Морок были его главными помощниками... Если быть точнее, Владимир занимал должность тысяцкого, отвечая за организацию и снабжение рати.

Казначеем была эльдарка Аэлирэн. Кроме них, в военном совете состояли:

Воевода обозных — крагг Громорук, чьи телеги никогда не ломались в пути.

Хребодар — боргун Брендин, ведавший укреплением лагеря и подземными работами.

Люди, отвечавшие за Лекарства и Мастеров осадных работ — именно благодаря последним удалось поймать и обезвредить такое количество змей.

Мелкими хозяйственными делами и дисциплиной среди рядовых руководили бортун Торбин, крагг Гхаршт и эльдар Лираэль. Каждый из них, как и Владимир, вёл свою сферу. Громорук регулярно докладывал Владимиру о состоянии войска и делился своими, подчас грубыми, но практичными идеями. И многих других...

Что касается Владлины, то она, когда не выпускала пар в спаррингах с волшебниками, неожиданно для многих брала на себя часть хозяйственных дел. Видя, как она одним взглядом и парой резких слов наводит порядок на кухне или в обозе, даже ветераны-крагги предпочитали не спорить.

Каэл'тур стоял у повозки с припасами, погружённый в разговор со своим интендантом — человеком по имени Людвиг. Тот, с щетинчатой бородкой и вечно озабоченным видом, что-то энергично доказывал, тыча пальцем в глиняную табличку, прикреплённую к ней бумагу с цифрами. Заметив приближающихся Морока и Владимира, Людвиг замолчал и отступил на шаг, всем видом показывая, что разговор высших чинов ему не указ.

Каэл'тур обернулся, и его взгляд скользнул с безликой маски Морока на хмурое лицо Владимира.

— Иди и подготовь всё, как договорились, — выдав приказ, Людвиг кивнул королю, и тот, бросив на Владимира короткий, полный невысказанных тревог взгляд, поспешил ретироваться.

Каэл'тур повернулся к Владимиру полностью, его обычно весёлое лицо было серьёзным.

— Владимир, приношу извинения за внезапную просьбу подойти, но тут оказалось дело будет не из лёгких.

— Что случилось? — отрывисто спросил Владимир, предчувствуя недоброе.

— Сильваны отправили одного из своих гонцов в глубь чащи. Чтобы привести их духовного лидера.

— Духовного? — Владимир недоверчиво поднял бровь. Дела сразу пахли не просто переговорами, а чем-то куда более торжественным и, следовательно, хлопотным.

— Да. И нам придётся подготовиться к его визиту надлежащим образом. Придётся соблюсти все их древние церемонии и, вероятно, выслушать немало колкостей.

От услышанного Владимир сжал кулаки. В горле встал ком яростного протеста. Он был готов врезать этому «Абиссаровскому-люмиэлцу» демону-ангелочку, как порой грозились сделать Владлина. Только она высказала бы всё в лицо, не стесняясь в выражениях.

— Ты, случаем, не попутал гостеприимство с капитуляцией? — в голосе Владимира ясно слышалось раздражение, граничащее с гневом. — Мы здесь для сборов на войну, а не для того, чтобы плясать под дудку какого-то лесного шамана!

— Владимир, — голос Каэл'тура оставался спокойным, но в нём появилась стальная твёрдость. — Я бы не стал отрывать тебя от сестры, если бы на то не было веской причины. Духовный лидер у сильванцев — не просто шаман. Его слово — закон для всех их племён. Если мы сможем убедить его, то все эти леса, со всеми их тайнами и тварями, будут на нашей стороне. Один ритуал может стоить тысяч жизней наших солдат. Я называю это хорошей сделкой.

Он сделал паузу, давая Владимиру вдохнуть и обдумать его слова.

— Кроме того, — добавил Каэл'тур, и в его глазах мелькнул знакомый огонёк расчёта, — их старейшина, несомненно, будет сопровождаться лучшими воинами племени. Я на-

мерен использовать эту встречу не только для переговоров, но и для того, чтобы оценить силу, с которой нам, возможно, придётся иметь дело в будущем. Так что готовься. Тебе, как тысяцкому, предстоит организовать всё так, чтобы наша мощь была видна, но не выглядела угрожающе. Пойди и проследи, чтобы на центральной площадке расчистили место для костра, но не убрали дальние укрепления. Пусть увидят силу, но не угадают всех наших козырей... — повернулся в сторону своей палатки. — Я пока przygotowлюсь.

Владимир с Мороком проводили Каэл'тура взглядом, наблюдая, как облюбованные собаки подбежали к хозяину и вручили ему добытую им дичь. У одного была ондатра, у другого — куропатка. Каэл'тур принял ими принесённую добычу, угостив каждую сушёным мясом.

— Надеюсь, он знает, что делает, во имя тьмы.

Подготовлением площади занимались в основном женщины. Куда что поставить, как расположить, и что накрыть из того, что было перед этим подготовлено на словах Каэл'тура. Мужчины помогали в переноске столов, стульев; если надо было что-то тяжёлое убрать, те убрали. Владимир отдавал указания тем, кто будет следить за периметром лагеря, и тем, кто будет находиться на встрече с Духовным лидером. Сам Владимир не хотел быть там. Не для него это всё было. Надо было хоть прилично причесаться. От чего ему становилось тягостно. Ему с Владлиной приходилось бывать на та-

ких вечерах, но ему приходилось больше быть в центре внимания и следить за всем, что происходит, пока Владлина в тени выполняла работу в сопровождении брата, если такое было нужно.

Смотря на своё отражение в зеркале, он больше понимал. Ему костюмы не шли. Только это нельзя было назвать костюмом, но что-то схожее было.

— Владимир, — снаружи послышался голос Громорука. — Всё готово к встрече, только тебя ждём.

— Выхожу.

Бросив все мысли в пламя, Владимир вышел на улицу, где начинало темнеть небо. Закаты в данном лесу отличались от тех, что видел Владимир. Небо здесь было больше красного цвета от солнца, а там, где должна быть темнота, был виден тёмно-голубой цвет.

— Ты видел когда-нибудь такое, Громорук?

— Мало обращаю на это внимание. Идём уже. А то жрать охота.

— Так мы не ешь идём, а сторожить, как Каэл'тур с Духовным лидером будут трапезничать. — подправил Громорука Владимир, от чего тот только фыркнул и плюнул по пути.

— Всё равно долго трапезничать не будут. Зная, от кого пошли сильваны, можно уже закатывать рукава.

Владимир только покачал головой.

Дождаться прихода долго не пришлось. Из лесу стала виднеться толпа сильванов с луками на спине и стрелами, но

те не нападали, а шли дальше, держа лицо серьёзно.

Каэл'тур сменил свой мундир на другой, под зелёный цвет. Собак его не было рядом, пошли за новой дичью, чтобы получить ещё кусочек мяса или, может, что-то ещё вкуснее.

Толпа предстала перед Каэл'туром, напротив него стояли два Сильвана с копьями, сделав синхронные шаги вбок по разные стороны. Перед взорами у всех присутствующих предстала сильванка. Украшения на ней и рисунки на лице демонстрировали, что она — Духовный лидер.

Духовным лидером у сильванов испокон веков становились мужчины, чьи седые волосы символизировали мудрость, пропитанную соками древних лесов. Поэтому когда предстала женщина, Каэл'тур и Владимир невольно замерли, ведь до этого они рассчитывали, что прибудет мужчина или старик, но была женщина.

Она была высока и стройна, как молодая берёзка, но в её осанке чувствовалась нестигаемая мощь старого дуба. Её лицо, казалось, не знало возраста — оно было одновременно юным и бесконечно древним. А её волосы, заплетённые в сложную косу, напоминающую корни, были цвета воронова крыла, с редкими, будто посеребрёнными инеем, прядями. Этот цвет, известный лишь самым старым хроникам, говорил о том, что перед ними может стоять самая мудрая из всего племени.

Сильванка вышла вперёд, держа спину ровно, делая каждый шаг малыми расстояниями, приближаясь медленно к

Каэл'туру.

— *Май ни у Мора'нель.* — Сделала поклон вперёд головой. — *Иси ме у ти, суше?*

— *Май ни у Каэл'тур.*

Маленькое понимание в языке в данном разговоре стало ясно, что сильванку зовут Мора'нель — «Ночи цвет», названная так в честь коварного болотного цветка, чья бархатистая, тёмно-лиловая красота манила путников, скрывая в своих лепестках и листьях смертельный нервно-паралитический яд.

Предложив руку в знак приглашения, Мора'нель приняла верно, но медленно прошагивая к столу за Каэл'туром, что сам держал расстояние шагов маленькими.

Язык сильванов был эмоциональный, одно слово, но то, как его произносили в разных планах, казалось, менялось в произношении. Но от Мора'нель они звучали иначе, словно она пела на нём в некоторые периоды, когда подавали на стол салаты и ягодные напитки.

— *Зачем прибывать?* — спросила Мора'нель, её голос был тихим, но он срезал слух Каэл'тура, как сталь.

— *Нужна добыча. Добыча только у вас,* — ответил Каэл'тур, разливая по деревянным кубкам густой виноградный сок.

— *Суше у суше,* — отрезала она, используя слово, которое Владимир мысленно перевёл как «чужаки» или «не свои».

— *Знать и понимать. Просить прощение,* — Каэл'тур

приложил ладонь к сердцу и склонился в низком поклоне, застыв в нём, оставаясь сидеть на месте. Это был древний символ просьбы о прощении, и держать его следовало до тех пор, пока прощение не будет даровано.

— *Суше не свои. Требовать взамен,* — холодно произнесла Мора'нель, не двигаясь.

— *Взамен давать,* — прозвучал его голос из глубины поклона.

— *Принять извинение, суше.*

Каэл'тур выпрямился. Его взгляд стал твёрже.

— *Ветки к небо, корни в глубь,* — произнёс он старую мудрость-благословение.

Мора'нель чуть заметно вздрогнула, и в её глазах мелькнуло удивление.

— *Бывают у вас в Хушу,* — добавил он.

— *Хушу?* — она резко наклонилась вперёд, и её тёмные волосы упали на плечи тенью. — *Свой у своих не брать без дозволения.* — Она с силой стукнула кубком по столу, и тёмно-красный сок, словно кровь, брызнул на дерево. — *Когда? Когда ты был здесь, суше?*

Сильваны насторожились, их руки легли на рукояти кинжалов. Солдаты Каэл'тура ответили тем же, сжимая оружие.

— *Понимать и просить...* — начал было король.

— *Не просить!* — её голос прозвучал, как хлыст. — *Умолять!*

И тогда Каэл'тур, Король с Древней Кровью Демонов, опу-

стился на колени и склонил голову. Среди его людей пронёсся шёпот изумления и недовольства. Среди сильваны же не было торжества — лишь нарастающая, злая ярость. Унижение такого масштаба было оскорблением, недостойным даже врага. Мора'нель смотрела на него долгим, пронзительным взглядом, словно пытаясь разглядеть саму душу этого загадочного демона.

— *Милость не дана вам,* — наконец произнесла она, и её голос вновь стал безразличным и твёрдым, как камень. — *Принятие решения к третьей луне.*

Развернувшись, Мора'нель махнула своим сильванам, покинув центр лагеря, она и её воины как тени скрылись в зелёной чаще, оставив за собой недовольство.

— Что всё это было, Каэл'тур? — с большим гневом сказал Громорук. Ударив при этом кулаком об стол с такой силой, что стол сломался.

— Всем выйти. — Грозно прозвучал голос у Каэл'тура. Но никто его не послушал. — Что ж, раз вы приняли мои действия как слабость, так продолжайте так и дальше думать. — Встал с коленей, проведя ладонью по коленям, где была до этого грязь.

От услышанного Владимир удивился от того, как он это произнёс. Каэл'тур был больше всего недоволен тем, как повели с ним его же подчинённые, чем той сильванкой.

— Оставим его. — Все посмотрели на Владимира с недоумением, кроме Каэл'тура, что стоял к ним спиной.

К недовольной и злой группе подошёл Морок, от чего многие сразу стали уходить в разные стороны молча, как и Владимир. Морок подошёл к Каэл'туру, он повернул голову, смотря на то, что вытащил Морок из своего плаща. Повернувшись к нему полностью, он взял с рук банку с живой змеёй. Открыв крышку, змея сразу подняла голову, шипя на Каэл'тура.

— Похоже, — быстро схватив другой рукой чуть ниже головы змею, он поднёс мордочку к себе. — За нами тщательно следят. — Поднимая медленно большой палец к нижней челюсти, медленно опуская голову змеи в неположенную для неё сторону. Змея, готовая потерять жизнь, осталась жива и, быстро вернувшись в банку, только теперь не была настолько храброй, как раньше. Она была напугана.

Морок ничего не говорил вслух, но взгляд Каэл'тура, направленный на него, всё сказал за себя. И тот ушёл со змеёй.

Третий лунный день.

Владлина сидела на толстом корявом суку на окраине лагеря, вдали от любопытных глаз. Держа руки на уровне груди на небольшом расстоянии друг от друга, она выпускала из пальцев тонкие нити молний. Электрические дуги перескакивали с одной ладони на другую, создавая замкнутый контур, который она силой воли удерживала в невидимом барьере. Порой эта практика давалась ей легко, но после последней охоты и перенапряжения контроль давался с трудом.

Ей пришлось проспать не только ночь, но и весь следующий день, а сейчас каждая искра отзывалась тупой болью в висках и дрожью в мышцах.

— Зачем так утруждать себя?

От резкого появления голоса за спиной Владлина вздрогнула и потеряла концентрацию. Молнии с треском разошлись в стороны, бессильно растворившись в воздухе.

Протерев пот со лба, она резко обернулась. Перед ней стоял Каэл'тур.

— А подкрадываться во время концентрации вас не учили?! — выпалила она, едва сдерживая гнев.

— Учили, — спокойно ответил он. — Но то, что ты делаешь, я бы не назвал концентрацией. — Он сделал шаг ближе. — Это больше похоже на игру без понимания правил.

— Это не игра, а концентрация силы! Которую вы мне нарушили! — Владлина вновь уселась поудобнее и попыталась воссоздать дуги. Искры уже начали выходить из её пальцев, когда Каэл'тур резко схватил её за запястье.

— Отпустите НЕМЕДЛЕННО! — Она рванулась, её взгляд стал опасным.

— Отпущу, если объяснишь, что ты, во имя Бездны, делаешь, — его голос прозвучал низко и твёрдо, без привычной игривой интонации. Это был приказ.

— Наставница говорила, что так нужно учиться контролировать магию! А теперь отпустите!

— Это не концентрация, — прошипел он сквозь зубы, и

Владлина удивилась — этот люмиэл никогда прежде не злился. — То, что ты делала, — это самоистязание. Ты не контролируешь энергию, ты заставляешь её циркулировать в замкнутом круге, как раскалённый нож, режущий изнутри.

Он разжал пальцы. Владлина тут же стала тереть покрасневшее запястье.

— Не знаю, что это за наставница, если она преподаёт такое — его «такое» прозвучало как настоящее ругательство.

— Тогда что это? Объясните мне, — с явным сарказмом спросила Владлина, скрестив руки.

— То, что ты делала, — ритуал передачи энергии. Его проводят в паре, когда у одного избыток силы, а у другого — нехватка. Это способ безопасно разделить мощь. В твоём же случае — он покачал головой, — ты занималась саморазрушением. Ты пыталась сжечь в одном котле слишком много топлива, не открыв поддувала.

Владлина смотрела на него, поджав губы.

— А с чего я должна вам верить?

— Владлина, я повидал больше, чем ты можешь представить и познал. Я видел, что с тобой было в столовой, как ты выдыхалась на охоте, и как агрессия бьёт тебе в глаза. Твоя природная магия рвётся наружу. — Произнося слова по слогам, он снова приблизился к ней.

— Я её и так выпускаю!

— Нет. — Он резко помотал головой, отвернулся, сделав три шага, и так же резко обернулся вновь. — То, что ты ис-

пользуешь для поднятия камней и воды — это базовые заклинания, бытовая магия... Правильнее сказать - людская. А твоя истинная стихия — буря. Ты дочь дракона, и по твоей чешуе видно, что ты относишься к грозovому виду. Молния и холод. И именно они, будучи запертыми и извращёнными, причиняют тебе вред. — Он указал на пространство между её ладонями, где ещё витал запах озона.

— Тогда скажите, что и как мне с этим делать? — В отчаянии Владлина развела руки в стороны, и между ними с громким треском ударила слепая молния, опалившая воздух.

— А чему тебя эта наставница учила всё это время? — Каэл'тур смотрел на неё с выражением, которое обычно резервируют для детей, вернувшихся из уроков, так ничему и не научившись.

— Вот чему!

Она резким движением подняла с земли камень той же силой, что использовала на охоте. Корни деревьев рядом вздыбились и поползли к его ногам, замерев в сантиметре от сапог. Струя воды из ближайшей лужи взмыла в воздух, превратилась в огромную ледяную сосульку, резко сдвинулась с места и зависла перед носом Каэл'тура.

— Так, стоп — Каэл'тур закрыл глаза и потер переносицу, словно не веря увиденному в недовольстве. — Скажи мне, она ещё и медитациям разным тебя обучала?

Владлина лишь кивнула.

— Ох, Бездна Ладно, фокус со льдом оценил. Но всё

остальное — не твоё.

— В смысле?!

— Тебе нужно развивать свою родную магию. Холод и молнию.

— Но у меня только молния!

— Не только. Ты только что создала сосульку. На основе человеческой магии... — подходит к Владлине, указав указательным пальцем на небо. — Но когда ты выпустила разряды, от него веяло морозом. Это и есть доказательство — в тебе живёт мерзлота, вместе с молниями.

— Хорошо. Предположим, вы правы. Но как мне переручить себя? Я годами делала всё иначе!

— Ты же умеешь готовить, — неожиданно сменил тему Каэл'тур. Видя её ошеломлённый взгляд, он огляделся, вытянул руку к воде, и крупная щука сама запрыгнула к нему в ладонь. — Возьмём, к примеру, уху. Люди готовят её в целом одинаково, — щука отчаянно билась в его хватке, — но есть семьи и народы, у которых свой рецепт. Другие травы, иная последовательность. Меняется формула. Так и ты Да чтоб тебя! — Он резко ударил щуку ребром ладони по голове, и та затихла. — Ты можешь переписать свои знания. Смотри.

Он раскрыл ладонь, и над ней возник прозрачный силовой купол. Затем купол вспыхнул холодным синим пламенем, сквозь которое проступали звёздочки искр.

— Вы изменили способ применения заклинания, — тихо произнесла Владлина, вставая.

— Именно. Вот и тебе нужно то же самое. В тебе есть потенциал, Владлина, и не надо его так извращать. Если хочешь, я могу предоставить тебе наставника, прямо — Он резко взглянул куда-то за её спину. Та обернулась, но никого не увидела. — Тогда после гостей, — сказал Каэл'тур, и его голос вновь стал обычным. — Прощай, рыбка. — Он швырнул мёртвую щуку обратно в воду, как ненужный хлам.

Владлина смотрела, как тело рыбы медленно тонет, и знала, что его скоро кто-то съест. Но обида глодала её не из-за пустой траты еды. Её грызла горькая мысль, что все те годы, все усилия могли быть потрачены впустую, что её вели не туда, заставляя бороться с самой собой, вместо того чтобы раскрыть её истинную силу.

Владлина присоединилась к толпе ближе к концу, когда выяснилось, что к лагерю подходят силваны. Среди служивых гудел возмущённый ропот. Растолкав локтями заслонявших обзор солдат, Владлина наконец выбралась вперёд и увидела Владымира. А перед ними обоими разворачивалось странное зрелище.

Пару минут до этого.

Каэл'тур ходил перед строем, похлопывая в ладоши в каком-то своём, ликующем ритме.

— Готовимся, дружина! Готовимся! Гости идут! — Он улыбался чему-то безмерно радостному, и это выглядело жутковато.

Владымир, стоявший рядом с краггом Громоруком, заметив эту неестественную восторженность, обменялся с воеводой настороженным взглядом.

— Чему он так радуется? — прохрипел крагг, его голос, как всегда, был грубым и гулким.

— Мне почём знать, — сквозь зубы процедил Владымир, не скрывая раздражения.

Вскоре все заняли свои места у импровизированного входа в лагерь, куда должны были прибыть гости. Владымир встал по правую руку от Каэл'тура и с удивлением наблюдал, как с лица короля в одно мгновение слетела вся ликующая маска. Теперь он выглядел предельно серьёзным и напряжённым. Напряжённым по-настоящему.

— Что за чёрт? — пробормотал Владымир себе под нос.

Из зелёной чащи первой вышла Мора'нель. Её наряд отличался от прежнего — это было нечто среднее между траурным одеянием и доспехом из дублёной кожи и живых, словно увядающих, ветвей. Но в её глазах, тёмных и пронзительных, светилось не горе, а холодное, язвительное злорадство.

— Вижу почтение, как говорят у вас, — произнесла она, и слова её прозвучали на чистом, хотя и слегка певучем, общем языке.

В толпе пронёсся удивлённый гул. Удивились не только люди и орки, но и сами эльфы её свиты, судя по их мгновенно настороженным позам.

— Вижу, вы выучили пару наших слов, — лицо Каэл'тура

стало непроницаемым, но в его тоне сквозила лёгкая, едва уловимая досада.

— Язык прост. Сам по себе — не культура, — парировала Мора'нель, и её губы тронула едва заметная, ядовитая усмешка. — Но он удобен для сделок.

У Каэл'тура дёрнулся уголок губы.

— Что ж, перейдём к делу.

— Конечно, — она кивнула. — Обмен. Шкуры болотных ползунов на тридцать наших воинов.

Тишина, повисшая после её слов, была оглушительной. Потом её разорвал возмущённый рёв Громорука и гул голосов дружины. Владимир почувствовал, как у него похолодели руки. Они ждали требования земель, дани, магических артефактов. Но не этого. Никто не торгует своими воинами. Каэл'тур не дрогнул. Он лишь медленно поднял руку, требуя тишины, и его взгляд вонзился в Мора'нель.

— Объясни, — одно-единственное слово прозвучало тише шепота, но с такой силой, что даже сильваны за её спиной невольно отступили на шаг. — Ты предлагаешь купить твоих же соплеменников?

Мора'нель выдержала его взгляд, и её злорадство сменилось ледяной, беспощадной серьёзностью.

— Не купить, чужеземец. Забрать. Это не воины. Это — *изгнанники. Преступники.* Их жизнь принадлежит племени, и племя решает, как ей распорядиться. Мы отдаём их тебе. А ты — её взгляд скользнул по рядам могучих, но уже встре-

воженных солдат Каэл'тура, — ты найдёшь, куда приложить лишние руки, верно? Это и есть наш «обмен». Вы получаете рабочих. А мы вами добытые шкуры.

Изгнанники были выведены перед строем, и Владимир с трудом сдерживал рвущийся наружу гнев. То, что он увидел, было жалко и страшно одновременно. Мужчины-сильваны, которые должны были быть стройными и сильными, стояли согбенные. Одни были неестественно худы, с впалыми щеками и тусклыми глазами. Другие, напротив, имели нездорово раздутые животы — признак болезней или долгого голода, сменившегося скудной, но неподходящей пищей. Кто-то был карликово низок, кто-то — с искривлёнными конечностями. Они не были воинами. Они были *браком*, отбросами собственного общества, и выставление их напоказ было вторым, после слов, ударом по гордости Каэл'тура.

— Неплохо, — сквозь стиснутые зубы процедил Каэл'тур. По его белым костяшкам, сжимавшим рукоять меча, было видно, какую бурю он сдерживает.

— Это ещё не всё, — с ледяным сладострастием в голосе продолжила Мора'нель. — Олюква!

Из рядов эльфов, почти затаив дыхание, вышла девушка. Она была бледна, её кожа отливала нездоровым зелёным, как увядающий лист. Длинные волосы цвета пепла были убраны в сложную, явно церемониальную причёску. А её лицо Губы, подведённые яркой краской цвета клюквы, дрожали. Но самое страшное были её глаза — такого же пронзитель-

ного ягодного оттенка, расплывшиеся от слёз, которые она, видимо, лила всю дорогу. Следы их ещё виднелись на щеках, смывая часть тщательно нанесённого макияжа невесты.

— Это моя младшая сестра, Олюква, — голос Мора'нель звучал сладко и ядовито. — Я помню по вашим старым обычаям. Наложница.

От этих слов по толпе прокатилась волна возмущённого гула, переходящего в рык. Владимир понял причину. Среди абиссаров дар наложницы был не просто жестом — это был акт величайшего политического признания. Принять её — означало признать дарителя равным, могущественным союзником, чья благосклонность драгоценна. Отказаться — смертельное оскорбление. Мора'нель вывернула этот древний ритуал наизнанку, превратив в насмешку. Она дарила не драгоценность, а изгоя. Не символ союза, а знак презрения. Она заставляла Каэл'тура принять унижение и признать его честь.

Каэл'тур стоял неподвижно, лишь мышцы на его челюсти напряглись, как стальные тросы. Казалось, воздух вокруг него стал гуще и холоднее.

— Я принимаю дар, — наконец произнёс он. Каждое слово далось ему с видимым усилием, будто он глотал раскалённые угли.

Он протянул руку, открыв ладонь в древнем жесте принятия обязательства. Олюква, увидев этот жест, инстинктивно сделала шаг назад, полный животного страха. Но Мора'нель

была быстрее. Её пальцы, крепкие, как корни, впились в плечи младшей сестры, грубо придвинув её вперёд. Рост Олюквы был по лоб Каэл'тура.

Дрожа, сильванка подняла худую, почти прозрачную руку и положила свою ладонь в его. Прикосновение было ледяным. В тот же миг вокруг её запястья вспыхнуло тусклое сияние, и на коже проступил узор — будто выжженный, кривой и асимметричный браслет из переплетающихся шипов. Знак собственности. Клеймо.

— Теперь она твоя, дорогой союзник, — голос Мора'нель звенел фальшивой нежностью.

— И наша договорённость исполнена. Торбин!

Из рядов дружины вышел невысокий, коренастый боргунам, отвечавший за склад добычи. Его лицо обычно было хмурым и сосредоточенным.

— Проводи наших дорогих гостей к шкурам, — сказал Каэл'тур, и в слове «шкура» явственно прозвучала та же язвительная нотка, что была у Мора'нель. Владимир заметил, как Торбин, делая почтительный поклон, не смог скрыть быструю, хищную ухмылку, мелькнувшую на его лице прежде, чем он снова нахмурился. Гном явно понимал, что «шкура» теперь — это не только змеиная чешуя.

— Идите за мной, дорогие помеченные гости, — буркнул он, нарочито коверкая слова, и повёл группу сильванов-охранников вглубь лагеря, к складам с добычей.

Мора'нель, прежде чем уйти, наклонилась к сестре и про-

шептала что-то на ухо. Олюква содрогнулась, но кивнула, не поднимая глаз. Затем Мора'нель с горделивой осанкой последовала за Торбином, её свита из идеальных, сильных воинов контрастировала с жалкой процессией изгоев, которую они оставили.

Едва они скрылись из виду, как Громорук тяжёлой поступью подошёл к Каэл'туру. Гнев бушевал в его маленьких глазах.

— И это по-вашему «дружеские отношения»?! — проревел крагг, не скрывая ярости.

Каэл'тур посмотрел на него и залился беззвучным, а потом всё более громким смехом. Он наклонился вперёд, словно ему только что рассказали неслыханно смешной анекдот.

— Ха-ха-ха! Извините, мои дорогие простите! Ох, Бездна! — Он вытер несуществующую слезу с уголка глаза. — Я давно не видел такого представления! — Его смех так же резко оборвался, как и начался. Он повернулся к Олюкве, всё ещё стоявшей, опустив голову и сжавшись от страха. — Олюква. Меня зовут Каэл'тур. Абиссар из Пустошей Хаоса и житель Бездны, — представился он, но его тон был теперь лишён всякой игривости. — Можешь прекратить этот фарс, *Звероуст.*

Слово, произнесённое на чистом слове, повисло в воздухе. Владимир увидел, как вздрогнули не только изгнанники, но и несколько оставшихся на периферии сильваны из свиты Мора'нель. Звероусты - легендарные проводники воли лес-

ных духов, способные говорить с любым зверем и видеть его глазами. Считалось, что этот дар давно утрачен, истреблён страхом и суевериями.

— Ах, точно, — Каэл'тур как будто вспомнил о чём-то. Он без всякого предупреждения поднял руку, и из его ладони хлынул поток холодного, белесого света, который пал на группу изгоев. Те в панике закричали и попытались отвернуться, но их собственные тени, оживлённые магией, обвили их ноги и руки, удерживая на месте. — *Аму у них*, АБИС-САРО! ЧТОБЫ ТЕБЯ ПРОНЁСЛА МОЛНИЯ! — завопил один из них, и

И все услышали. Не гортанные, ломанные фразы, а ясную, полную ярости речь. Язык, который понимали все в лагере. Заклинание понимания языков. Вот почему крагги, боргуны и люди понимали друг друга. Это была не удача, а тщательно подготовленная иллюзия единства.

— Теперь будет проще, — заметил Каэл'тур, словно и не было только что криков. — И, кстати, чуть не забыл спросить Ваш народ, кажется, так и не осознал, какой прекрасный дар от природы вам дан.

Олюква медленно подняла голову. Весь её образ дрожащей жертвы испарился, как утренний туман. Она сняла с головы диадему — хитросплетение лиан с искусственными цветами и листьями, которые, как теперь стало ясно, не столько украшали, сколько скрывали.

— Вы правы, — её голос был тихим, но чистым и твёрдым.

В нём не было и тени прежнего страха. Среди изгоев-сильванов прокатился удивлённый шёпот и переполох.

— Она же немая! Немая! — закричал один из них, указывая на неё дрожащим пальцем.

— Отродье! Проклятая тварь! — неслись другие оскорбления.

— МОЛЧАТЬ! — Голос Каэл'тура прогремел, как удар грома, заглушив все крики. Это был нечеловеческий рёв, от которого содрогнулась земля.

— Что всё это значит?! — прошипела, вбегая обратно на поляну, Мора'нель. Её лицо было искажено яростью. — Мы на такое не договаривались!

Каэл'тур повернулся к ней с наигранным, ледяным недоумением.

— А на что, собственно, мы договаривались?

— Мы договорились на обмен чешуи! — она с силой швырнула на землю то, что ей принесли — жалкие, потрёпанные лоскуты, мало напоминавшие драгоценную чешую болотных ползунов. — А не на этот! Мне нужна ЧЕШУЯ! Раз ты не можешь сдержать слово, то

Каэл'тур снова рассмеялся. Но на этот раз смех был коротким, резким и лишённым всякой веселости. Он обвинил руку вокруг плеча Олюквы, притянув её к себе в жесте, полном демонстративного владения.

— Мора'нель, — сказал он, растягивая слова. — У нас не было никакого письменного договора. — кто-то в толпе дру-

жинников громко щёлкнул пальцами: «Точно!» — Ты, видимо, забыла: абиссары заключают союзы только письменно. Слова на ветер может бросить кто угодно. А у нас у нас не было договора. Это ты сама себе всё придумала. И сейчас ты забрала то, что я тебе обещал, — он кивнул на жалкие лоскуты. — и можешь убираться.

— Нет, Каэл'тур! — Мора'нель, ослеплённая яростью, рванулась вперёд, намереваясь вырвать сестру. Но её остановила невидимая сила. Будто огромная невидимая ладонь швырнула её прочь, в сторону ближайшего болотца. Сильваны её свиты с криками бросились вытаскивать своего духовного лидера из грязи.

— Идём, служивые, по делам, — спокойно скомандовал Каэл'тур. — А с тобой, Олюква, пройдем в мою палатку. А, Владимир! — Он как будто только сейчас заметил брата. — Поищи свою сестру, она, кажется

— Я здесь, — раздался голос, и Владлина бесшумно вышла из толпы, её глаза горели холодным любопытством. Она наблюдала за всем.

— О, чудно! — лицо Каэл'тура озарила искренняя улыбка. — Тогда можем все вместе пройти и всё обсудить. И, кстати — Он небрежно махнул рукой в сторону входа в лагерь, где только что стояла мокрая Мора'нель. — Теперь ни одна тварь, включая сильванов с дурными намерениями, не пройдёт через эту границу без моего позволения. Добро пожаловать в настоящие переговоры, моя дорогая Олюква.

Положив ладонь на её правое плечо, он повёл её к себе в палатку, раздавая задачи.

— Громорук — начни собирать лагерь, передай Горбину: «Отличная работа. Собирай запасы в телеги.», с новоприбывших союзников отправьте в палату и дожидайтесь меня там. Работаем, дружина. Работаем!

Закончив с малыми приказами, Владлина проводила его с поднятой бровью и девушкой-сильванкой, что была немало одета и прикрыта для мужских глаз.

— Когда мы видели его таким довольным? — спросила Владлина брата, на что тот только плечами дёрнул, и ощутили, как на их плечи легли ладони и толкнули вперёд. Это сделал Морок, что внезапно появился за их спинами. — Да мы сами можем пойти! — убрав его руку со своего плеча, она побежала к Каэл'туру.

Оказавшись в палатке Каэл'тура для Владлины с Владимиром было неожиданно, не только в первый раз войти, но и увидеть масштабы размера кровати.

— Эй! Не любуйтесь так моей кроватью. Мне же нужно порой в обличии абиссара размять мышцы. — возмутился Каэл'тур, словно заметили какую-то игрушку. А Олюква, наоборот, расширила глаза от всего, что она видела. Заметив что-то на столе, она выбралась из захвата за плечо, подбежав к банке, где была змея.

— Щива! Ты жива. — пытаюсь открыть банку, которую она впервые увидела в жизни, она никак не могла понять,

как открыть, а змея, что увидела сильванку, стала кружить в банке.

— Дай, помогу. — Каэл'тур открыл крышку, и змея быстро поползла к сильванке на руки.

— О, Щива! Прости меня. Прости. Я не должна была подвергать тебя опасности. — у сильванки пошли снова слёзы. Змея шипела и выпускала язык. — Вы её кормили всё это время? — словно услышала что-то невероятное.

— А зачем тогда оставлять в живых? Да и я не такой изверг, чтобы издеваться над животными. — словно оскорбились, заявил это Каэл'тур.

— Но вы убили *рогну*.

— Вы про *щуку*. Да, неловко вышло, но вы, моя дорогая, столько зверей впустили в мой лагерь, что я думал, что вы в меня влюбились. — ухмыльнулся абиссар.

— Да как вы!..

— Может, вы потом свои любя да любя свои будете исполнять. — вставила свой голос Владлина. От чего сильванка дёрнулась и отвернулась, теперь шёпотом разговаривала со змеёй, но теперь больше удивилась, заметив на одной из подстилок двух собак, что рассматривали её.

— Не бойся, они не кусаются. Они просто ловили тех, чьё поведение им не нравилось. — сказал напуганной сильванке, похлопав её по плечу. — И так, — шлёпнул по плечу ещё раз и развернулся к Владлине с Владимиром, заметил Морочка. — О, и ты здесь, отлично. Владимир, для тебя задача —

разобраться вместе со мной с приведёнными к нам новыми служивыми. Да, на вид они ужасны, но сгодятся для работ на будущее. А то негоже им рассиживаться. Владлина, для тебя тоже есть задача, надо будет к возвращению в гарнизон обдумать, как сделать пропитание для наших новых служивых отдельно. Так что, что же ещё... — стал гладить подбородок. — Одежда у нас рассчитана на каждого по количеству, а сильваны не покидали свои территории очень давно. Будет им сложновато прожить зиму не в своих краях.

— Надо будет обсудить это с Труды, когда прибудем в гарнизон. — предложила Владлина.

— Лучше заранее об этом ей сказать, чтоб на готовое сильваны прибыли. Ну или на половину готовое. — посмотрел на сильванку, что теперь сидела перед собаками и рассматривала их, держа в руке змею, что обмотала своим телом её руку.

— Могу Остроклюва отправить в гарнизон к Морнэмиру и предупредить заранее. — предложил Владимир, на что Владлина закатила глаза и эхнула с возмущением.

— Отличная идея. А Владлина, с этого дня Морок занимается с тобой магией.

Повисла тишина в палатке, не просто молчание — сами свечи перестали шевелиться в пламени. Только лицо Каэл'тура было довольным и глаза блестели, а у близнецов — шокирующим. Но Владлина быстро отошла от шока, перейдя на гнев, подняв кулак, покрытый чешуёй, и глаза засвети-

лись ярко-синим цветом.

— ТЫ. ЗА. КОГО. МЕНЯ. ДЕРЖИШЬ? — с явным злобом и скрежетом в зубах сказала Владлина, готовая влепить абиссаровскому-люмиэлцу по лицу.

— Как за кого? Владлина, мы про что с тобой разговаривали перед приходом гостей.

— Он НЕМОЙ! — выпалила она, готовая уже пойти ударить абиссара, но Владимир быстро заблокировал ей путь, от чего та пыталась выйти и прибить, пуская нелестные слова в Каэл'тура.

— Вообще-то, вы можете придумать общий способ общения при помощи жестов. Ну или... — Морок подошёл к Каэл'туру, дёрнул его за руку так, чтобы они оба отвернулись, и стали общаться молча между собой.

— Успокойся, Владли!

— Я прибую этого абиссаровского-люмиэлца! Пусти меня, Владимир! Я ему быстро короткую жизнь устрою!

Каэл'тур не слушал разговор между близнецами, пытаюсь договориться с Мороком. От чего Морок положил ладонь на маску, словно соприкоснулся с лицом.

— Отлично! Морок согласен тебя обучать! — жизнерадостно заявил Каэл'тур. Слово сплёл двух голубков.

От услышанного Владлина больше вскипела: «Ты хотя бы представляешь, как это будет выглядеть!» — нырнув вниз, Владлина выкарабкалась из-под рук брата и приблизилась к Мороку, а она доставала его ростом только до плеч.

— Ты молчаливый... Подожди. — заметив, как глупо они выглядят с ростом, она схватила маленький ящик, поставила перед Мороком, встала на ящик и теперь была почти наравне с Мороком. — Слушай ты! ТЫ себе как это представляешь наше с тобой... — ощутив, как руки Морока оказались под её подмышками, он поднял её с ящика и пнул его так, что было слышно, как тот откатился далеко. Владлина от данного действия ошеломлена тем, как её подняли, Владимир застыл от увиденного действия, Каэл'тур сдерживал смех в кулаке, сильванка с большими глазами смотрела на происходящее, но больше её удивило, как одна из собак её лизнула по щеке стирая макияж из ягод.

— А ну, пусти... пожалуйста. — словно признавая поражение и смущение, сказала Владлина. Морок отпустил её, Владлина обняла себя и сбежала с палатки, сдерживая слёзы. Владимир вышел за ней. За ними — Морок. В палатке остались только сильванка с Каэл'туром.

— Ну что ж, обсудим наши планы на... Оу. — увидел, как собаки сблизилась с сильванкой. — Мда, многое видал, но такое впервые. Как тесен мир в познаниях. Но нам всё-таки стоит поговорить, Олюква.

Под вечер.

Лагерь был почти готов. Для новобранцев подготовили задания и назначили ответственных. Владимир отправил письмо в гарнизон, чтобы узнать, как обстоят дела с поставка-

ми. Владлина спряталась в палатке и не выходила, пока её не начали разбирать. Она вышла и, оставаясь на расстоянии, начала метать магические шары. Все обходили её стороной, словно она была опасной.

Каэл'тур сидел в своей палатке с сильванкой. Они о чём-то беседовали или занимались тем, что в его народе делают с наложницами. Но никто не ожидал, что к ним вернутся сильваны, на этот раз грозные и недовольные. С ними были вождь, который выглядел старше своих лет, и два духовных лидера.

Каэл'тур услышал шум снаружи и выглянул. Он не удивился, увидев прибытие войск после недавних «переговоров» с духовным лидером.

Каэл'тур вышел встретить неожиданных гостей.

— *И что вас привело, многоуважаемые?*

— *Мы требовать договорённостей, иначе прольём кровь.*

— Встала вперёд Мора'нель. — Я буду говорить от вождей.

— Как я помню, мы всё обсудили и согласовали условно.

— напомнил ей Каэл'тур.

— Неслыханная дерзость, абиссар! — вскрикнула Мора'нель.

— *Апа рту, Мора'нель. Иби си суше, озиро. Май ву ото гре во.* — на вид пожилой сильван обратился к Мора'нель. Каэл'тур понимал их язык и то, что говорил старик, тема была для него смешна.

— *Вы смеее говорить о пролитии крови, но сами пусти-*

ли мне нож в спину. — заговорил Каэл'тур на их языке.

— *За что судить нас?* — вождь вышел вперёд к Каэл'туру.

— *Спросите Мора'нель.* — все посмотрели на неё. — *Она сочла себя при встрече духовным лидером, при том что духовный лидер ещё жив. Второе, привела ко мне невесту в упокоении. В-третьих, она посмела нашу договорённость снести за войну, хотя таковой не было и вовсе, всё произошло на месте безо всяких обсуждений и платы на равных. И как вы мне скажите быть, вождь? Ученица духовного лидера, а то и жена такового, осмелилась порочить меня чистосердечного на унижение.*

От услышанного все в толпе завопили: «Враньё!». Больше всего это были те, кто был свитой Мора'нель. Все, кто был за спиной Каэл'тура, и те, кого привели как новоприбывших, кричали: «Он говорит правду!».

Вождь племени смотрел в упор на Каэл'тура, пока не заметил, как сквозь толпу пробирался кто-то, и он увидел Олюкву.

— *Олюква.* — вождь увидел что-то ценное. Но то, что было на ней, его удивило: наряд был невесты. Косметики не было, но волосы оставались собранными, но вот на кисти светился нарисованный магический браслет.

— *Отец.*

— *Вождь, этот абиссар её мог зачаровать, чтобы обмануть вас.* — Мора'нель встала перед взором вождя, засло-

няя Олюкву своим телом, сдерживая злобу.

— Нет, отец. Это правда, мой Каэль отнёсся ко мне добро.

— Она назвала абиссара, как принято у абиссаров! — Мора'нель породила в войске и вожде восстание на битву.

— Потому что я приняла его как своего супруга. Ты сама, сестра, говорила, что никто из племени и других племён не захочет иметь дело с немой и той, что имеет дурной образ!

— Тогда как стала говорить, если это не чёрная магия!

— Я с самого детства могла говорить и общаться с животными! Я **Звероуст!**

От услышанного все замолкли. Сама природа замолчала, ветер утих. Стали слышны звуки, как кто-то приближается. На сборище выбежали хищники с болота и джунглей, многие рыбы из вод подняли головы на сушу, птицы присели на ветки деревьев. И все животные были на стороне Олюквы и лагеря Каэл'тура.

Вождь и Лидер остолбенели от того, что видят. Особенно отец девочки, что всю жизнь растил, оказалась на самом деле Звероустом. На его племени было клеймо.

В далёком прошлом, когда только вышли из тьмы много ужасающих тварей, не только абиссары с перводраконами. На землях появилось племя, что прозвали Кровавые. Их магия отличалась от всех тем, что они были способны управлять кровью любого существа, не только как людской,

сильванской, крагговской и многими другими, но и животными. Действия Кровавых были настолько извращёнными, что они извращали всех своими действиями и поступками, не только живое существо, но и зверей, и природу саму. Кто обладал иными способностями, как общение с зверями, их похищали и плодили в свою сторону или похищали их голос общения. От чего у сильванов теперь Звероусты стали дурным знаменем. Если в поселении был Звероуст, то его сразу убивали, неважно, мальши или старик, надо было прервать жизнь.

Вождь смотрел на свою... Теперь на чужую для него сильванку.

— *Мы уходим! Пролития не будет.* — Мора'нель, не веря услышанному, пыталась хоть что-то сказать, но вождь одним взглядом заткнул её. — *У меня была только одна дочь, Мора'нель Улухвата. Второй ребёнок умер при родах.*

Племя покидало территорию лагеря, и пока те не пропали из виду, животные разошлись в разные стороны. Олюква провожала каждого взглядом, провожая слезами на глазах. Она умерла как для семьи, так и для племени.

— Олюква, — Каэл'тур подошёл к ней, положил ладони мягко на её плечи. Та только наклонила голову.

Сильваны, что остались с Каэл'туром, подошли к ним, сели на колени перед Олюквой и Каэл'туром.

— Наши жизни в наших руках. Каэл'тур Даркнес из древ-

ней крови Абиссаров. И вам, Олюква... — они замолчали, потому что не знали, как к ней обратиться. Но то, что они поклялись ей на верность, её поразило.

— Она Леди Олюква. — она посмотрела на Каэл'тура. — из гарнизона Единения.

— И вам, Леди Олюква из гарнизона Единения. — договорили синхронно сильваны.

— Моя уважаемая дружина! — резко развернувшись вместе с собой Олюкву и перестав щёлканьем, сильванцы, что продолжали сидеть на коленях, и после перемещения. — Прошу вас познакомить с моей первой наложницей. Моей леди Олюквой из нашего гарнизона Единения и наших новых товарищей!

Все в лагере закричали «Ура!», «Леди Олюква!», «Добро пожаловать!», многие хлопали им с улыбками на лице, от чего не только Олюква, но и сильваны, что были раньше изгоями, приняли тепло ото всех и от боргунов.

Олюква посмотрела на Каэл'тура и сказала ему тихое и тёплое: «Я не передумаю».

Глава 2

За окном стояли серые, тяжелые тучи, низко нависающие над самой землей. Сильный, порывистый ветер с ожесточением срывал последние жалкие остатки листвы с продрогших деревьев, и даже сквозь толщу стекла был слышен его тоскливый, пронзительный свист. Игдраил и Миранда едва успели собрать последние плоды с огорода и насыпать зерна курам, как погода сделала резкий, злой разворот от ласкового солнца к этой ветреной круговерти.

От такой внезапной смены погоды у Миранды всегда начинала кружиться голова, и ей требовалось немного полежать в тишине, чтобы боль отступила. Сегодня она задремала, не в силах бороться с усталостью. Она встала затемно, задолго до рассвета, чтобы управиться с хозяйством, словно сердцем чуяла приближение непогоды. Игдраил не винил её за эту одержимость работой, но ему было невыносимо тяжело видеть, как она выматывает себя, словно пытаясь убежать от какой-то внутренней тревоги. Он изо всех сил старался просыпаться раньше неё, чтобы сделать всё по дому самому, но в такие дни, казалось, сама судьба была против него, и его ранний подъем не спасал.

И сейчас, сидя перед камином и время от времени подкидывая дрова в печь, чтобы прогреть дом, Игдраил задумчиво наблюдал за белым яйцом, что покоилось в тепле с самого

начала осени. Оно было седьмым.

За это время они с Мирандой пытались вернуть к жизни шесть других. Шесть надежд, разбившихся о жестокую реальность. Они подпитывали яйца собственной магией — щедрой силой Игдраила и малыми, но такими искренними отголосками дара Миранды. Но никто так и не вылупился. Те, в ком еще теплилась призрачная искра жизни, отчаянно боролись, и супруги пытались удержать эту тонкую грань. Те же, что обратились внутри в бездушный камень, пришлось с великой скорбью уничтожить.

И вот седьмое яйцо лежало в камине, греясь в мерцающих отсветах пламени. В душе Игдраила давно поселилась безнадежность, когда речь заходила о спасении этого вида. Но Миранда так хотела спасти их, верила в это так отчаянно и самозабвенно, что он просто не мог ей отказать. Глядя на яйцо, оставшееся без родителей... Нет, все они были сиротами. Все, как и его собственные нерожденные дети, которых он потерял в той страшной катастрофе. Мысли об этом жгли его изнутри горькой, скупой мужской печалью, которую он никому не показывал.

Скуп.

Звук был таким тихим, что Игдраил поначалу принял его за треск уголька. Но сердце его пропустило удар. Он замер, боясь пошевелиться, и перевел взгляд на яйцо. Маленькая, едва заметная трещина на идеально гладкой скорлупе.

Скуп.

Трещина стала расти, расходясь в стороны тонкими, паутинистыми линиями. Игдраил, боясь дышать, бесшумно опустил с кресла на колени перед камином, придвинувшись ближе. Его драконье сердце, привыкшее к потерям, забилось с новой, почти забытой надеждой.

Он наблюдал за тем, как дракончик появляется на свет. Это было завораживающее и в то же время такое уязвимое зрелище. Скорлупка отлетела в сторону, и яйцо разломилось на несколько крупных кусков, явив миру мокрое, взъерошенное существо.

Дракончик был удивительным. Две сильные задние лапы, непропорционально большие для его тельца перепончатые крылья, на остриях которых виднелись маленькие цепкие лапки с крошечными коготками. Тело его было обтекаемым, от широкой груди плавно сужаясь к задним лапам. Хвост заканчивался острым кончиком, на котором со временем должен был вырасти костяной нарост, похожий на острие копья. На гладкой головке пока не было никаких наростов, но Игдраил знал — позже там появится костяной гребень, который поможет рассекать воздух на бешеных скоростях.

Кря... Кря-я...

Писк был тонким и жалобным. Глазки дракончика были плотно закрыты, покрыты той же слизью, что и все тело. Она жадно втягивала воздух крошечными ноздрями, пытаясь идентифицировать запахи нового, огромного мира.

Движимый древним, инстинктивным порывом, Игдраил

протянул к ней руку, позволяя своей кисти обратиться в драконью лапу, покрытую крепкой черной чешуей. Дракончик, ощутив приближение чего-то большого, испуганно *шикнула*, выгнув спинку. Но через мгновение, приняв внимание, уловила знакомую, родную сущность. Запах своего. Своего по крови, по древней драконьей магии.

Игдраил приблизил ладонь почти вплотную. Дракончик доверчиво ткнулась мокрой мордочкой в его чешую, потерлась о жесткую ладонь, издавая при этом тихое, вибрирующее мурчание, похожее на стрекот кузнечика. Игдраил замер, боясь спугнуть это хрупкое чудо. От удовольствия по его собственной спине пробежала дрожь, отдаваясь в кончиках пальцев.

Убрав головку, дракончик потянулась крылом, пытаясь залезть на ладонь, но сразу не получилось. Липкая слизь, защищавшая её в яйце, делала крылья тяжелыми и непослушными. Вместо того чтобы взобраться, она споткнулась и смешно шлепнулась на бок.

Мра-я!.. — возмущенно пискнула она.

Игдраил едва слышно хмыкнул — не то от умиления, не то от нахлынувших чувств. Он чуть изменил положение ладони, сделав из неё удобный трап. Дракончик снова принялась и, перебирая лапками, наконец-то заползла в теплое убежище его руки. Ощувив, как крепко, инстинктивно, она вцепилась маленькими коготками в его чешую, он медленно поднялся и направился в ванную комнату.

Движения его были размеренными и осторожными, словно он нес величайшее сокровище мира. Набрав в один таз горячей воды и добавив один ковш холодной, он приготовил второй пустой таз. Аккуратно расположив руку с дракончиком так, чтобы вода стекала на её тельце, он замер.

В природе драконицы-матери тщательно вылизывали своих детенышей, очищая их и запуская важные процессы. Но Миранда была человеком, а Игдраил в своем истинном обличье был попросту слишком огромен для такой нежной процедуры. Можно было бы попытаться языком и в человеческой форме, но это лишь размазало бы слизь, а не смыло её. Оставалась только вода.

Он полил первый ковш. Теплая вода коснулась тельца дракончика. Та вздрогнула, зажмурилась еще крепче, а когда вода со звонким *плюхом* ударила о дно пустого железного таза, громкий звук эхом разнесся по комнате. Дракончик испуганно зашипела, сильнее вцепившись в его палец.

— Тихо, маленькая. Всё хорошо, — его голос, низкий и спокойный, словно рокот далекого грома, казалось, подействовал на неё успокаивающе.

Он полил вторым ковшом. Мутная слизь потекла с чешуек, собираясь в тазу. Осторожно, используя магию, он подождал к себе мягкую ткань. Намочив её, начал бережно протирать маленькое пузико и нежную кожу в основании крыльев.

Шра-а! — агрессивно зашипела дракончик, пытаясь уку-

сить его за палец беззубым ртом.

— Потерпи. Сейчас всё пройдет. Не кусайся, — с бесконечным терпением проговорил он, уворачиваясь от её яростных, но безобидных атак. Инстинкты защиты в ней были сильны.

Он отправил грязную тряпку обратно в таз и магией подозвал чистую. Снова намочил и с величайшей осторожностью начал промывать её головку, обходя зону мордочки с трепетом, боясь надавить слишком сильно. Он впервые мыл новорожденного дракончика, имея лишь смутные, древние воспоминания о том, как его собственная пара когда-то вылизывала их детей.

В суровой природе отцы-драконы редко уделяли внимание потомству, это была забота матерей. Но сам он, когда был отцом, учил своих детей выживать во Тьме, охотиться, быть вожаком стаи, а не добычей. Сейчас же он не мог позволить себе переложить эту заботу на Миранду. Она и так выматывала себя в их скромном доме, рассчитанном на двоих... А теперь — на троих.

— Игдраил? — в комнату, зевая и протирая глаза, вошла Миранда. По её раскрасневшемуся лицу и слегка растрепанным волосам было видно, что она только что проснулась. — Я слышала какие-то странные звуки... О, мой рассвет! — ахнула она, увидев дракончика.

Дракончик учуяла новый, незнакомый запах. Резко повернув головку в сторону двери, она снова угрожающе зашипела.

ла, выгибая спинку.

Шра-а!

— Не бойся, — мягко сказал Игдраил Миранде, — она просто защищается. Чует чужую.

— Так это девочка? — голос Миранды дрогнул от восторга.

Чтобы подтвердить, Игдраил аккуратно взял кончик её хвоста и чуть приподнял. Дракончик, возмущенная таким бесцеремонным обращением, тут же извернулась и больно (насколько это возможно для беззубого рта) укусила его за палец.

— Да, девочка, — усмехнулся он, опуская хвост. — Эй, не кусайся, я же не со зла.

— Игдраил, — с мягким укором в голосе сказала Миранда, подходя ближе и присаживаясь на корточки напротив них, — тебе бы самому понравилось, если бы к тебе обращались «эй»? — Она перевела взгляд на дракончика, и всё её существо, казалось, растворилось в умилении. — Надо дать ей имя. — Голос её потеплел, хотя дракончик продолжал шипеть на неё, скаля беззубые десны.

— Лучше присядь пониже, — посоветовал Игдраил. — Она думает, что ты нападаешь, возвышаясь над нами.

— Ох, вот как, — Миранда послушно опустилась на колени, стараясь быть почти на одном уровне с дракончиком. — Так сойдет?

— Вполне, — кивнул Игдраил, продолжая смывать слизь

с её головы. — Сейчас я закончу. Намочи пока ладони в воде из таза, где слизь, чтобы твой запах смешался с её.

Миранда кивнула, не в силах оторвать взгляд от мордочки дракончика. Та, с приоткрытым ртом и постоянно двигающимися ноздрями, напоминала ей детеныша выдры, которого она однажды видела у реки.

— Она красавица, — прошептала Миранда, опуская руки в мутную воду и тщательно растирая слизь по коже. Для человеческого носа запах почти отсутствовал, но для драконьего чутья это был мощный якорь. Игдраил лишь надеялся, что этот трюк сработает и дракончик примет Миранду.

— Какое же имя тебе дать? — размышляла Миранда вслух, наблюдая за процедурой. — Может, что-то, связанное с белым цветом? Нет, не подходит... А какой она породы, Игдраил?

— Её сородичи — прирожденные летуны, — ответил Игдраил, вытирая дракончика мягкой тканью. — Кость крыла у них толще, чем у других, чтобы выдерживать колоссальные нагрузки при встречном ветре. Крылья на вид кажутся тонкими, почти прозрачными, но когда вырастет, костяная структура станет плотнее у основания, оставаясь гибкой и прочной на концах.

— Так ты у нас та ещё летунья! — с игривыми нотками воскликнула Миранда, глядя на дракончика.

В ответ та, всё ещё с закрытыми глазами, подняла головку кверху и издала тоненький, но грозный рык.

— Ха-ха! Игдраил, посмотри, она понимает! — рассмеялась Миранда.

— Скорее, ориентируется на интонацию, — поправил он, но в его голосе тоже звучала теплота. — Я всё. Она чистая.

Игдраил перенес дракончика на сухую ткань и начал бережно промокать её тельце, впитывая остатки влаги. Миранда тем временем яростно втирала в руки слизь, которая, к её огорчению, быстро высыхала на теплой коже, оставляя лишь липковатую пленку.

— Можно мне её подержать? — с надеждой спросила она, протягивая руки, чтобы взять дракончика вертикально. Та сразу же недовольно зарычала.

— Не так, — мягко остановил её Игдраил. — Сложи ладони лодочкой, как я. — Миранда послушно изменила положение рук. — Драконы очень уязвимы в области брюха. Для нас это самое незащищенное место. Если её там ранить — рана будет смертельной или оставит шрам, который навсегда станет помехой в полете.

Дракончик, закончив с вытиранием, снова потянулась к знакомому запаху и, повинувшись древнему инстинкту, медленно, шаг за шагом, перебралась с ладони Игдраила на руки Миранды.

— У неё вместо передних лап — эти лапки на кончиках крыльев? — восхищенно прошептала Миранда, чувствуя, как крошечные коготки царапают её кожу.

— Да.

— Вы такие разные, драконы... У каждого своя особенность. Это же просто невероятно! Ой, смотри, она ко мне на руки залезла! — дракончик, оказавшись в тепле её ладоней, активно задвигала ноздрями, втягивая новый, но уже чуть знакомый запах. Одно крылышко зацепилось за ткань рубахи Миранды. Подтянувшись, она ловко вскарабкалась выше, устроившись в ямочке между шеей и плечом девушки. Головка её уткнулась в теплую кожу, и по комнате разнеслось довольное, урчащее мурлыканье.

— Какая милая... — выдохнула Миранда, чувствуя, как к глазам подступают слезы счастья.

— Она есть хочет, — заметил Игдраил, наблюдая за этой идиллией.

Миранда, баюкая дракончика на руках, плавными, покачивающимися шагами, словно заправская нянька, направилась к кухонному столу. Одной рукой она открыла крышку глиняного горшка и достала оттуда кусочек вяленого мяса, нарезанного тонкими полосками. Дракончик мгновенно учуяла новый, дразнящий аромат. Она вытянула шейку, потянувшись к источнику запаха, но, уловив нотки незнакомых специй, чихнула. А затем, недолго думая, вцепилась в мясо. Тонкий ломтик исчез в её пасти за три жадных глотка.

— Ну и аппетит у тебя, малышка, — с нежностью в голосе произнесла Миранда, поглаживая дракончика по спинке. — Но как же тебя назвать? Хм...

Она задумчиво посмотрела на дракончика, потом переве-

ла взгляд на окно, за которым всё ещё бушевал ветер, гоня по небу рваные тучи.

— Твой вид быстрее ветра... Воздух для вас — не преграда... — Она замолчала, и вдруг её лицо озарила радостная улыбка. — Игдраил! Я знаю, как мы её назовем! — Голос её звенел от восторга. — В деревне один старец рассказывал мне о древних рунах. И была среди них руна ветра — **Авр**. Авр и... Дар. **Аврбдар**. Дар ветра. — Она посмотрела на мужа, в глазах её сияла любовь. — И наше с тобой благословение. В наших именах тоже есть частичка этого дара. Миранда и Игдраил.

Дракончик, словно в знак согласия, довольно причмокнула и ткнулась носиком Миранде в щеку, издав тихое:

Шря-я!..

— Мой Лорд, — в временную палатку Каэл'тура вошел боргун, его борода была покрыта мелкой древесной стружкой, а в глазах горел огонек профессиональной гордости. — Мы закончили с созданием комфортной повозки для вашей леди.

— Замечательно, Имли! — Каэл'тур оторвался от изучения карты, разложенной на походном столе. — Сейчас посмотрю отчет и подойду.

Боргун довольно кивнул и вышел, оставив Каэл'тура и

Олюкву, которая сидела на полу и, разложив перед собой кусочки вяленого мяса, отработывала с псами команды. Услышав, что гость ушел, Олюква угостила собак за успешно выполненные трюки, отряхнула мешковатые штаны, выданные ей заботливой эльдарой, и подошла к Каэл'туру.

— Что ещё за «повозка»? — спросила она, с любопытством заглядывая в карту, хотя вряд ли могла в ней разобраться.

— Я не могу позволить тебе идти пешком в каждом нашем путешествии, — ответил Каэл'тур, не отрывая взгляда от документа. — А наше путешествие и общее дело стоят затраченного времени и сил. Комфорт же никто не отменял. — Он обмакнул перо в чернильницу и поставил размашистую подпись в углу пергамента. — Повозка пока временная. Как прибудем в Окварию и получим обещанную провизию, а заодно и кое-какие знания для дружины... Ну и в придачу... — он пробежал глазами другой свиток, — думаю, с некоторыми придется попрощаться надолго.

— Будет пролита кровь? — голос Олюквы был тих, но спокоен. Она не боялась смерти, она боялась другого.

— Кровь, отданная во имя будущего, всегда имеет цену, Олюква, — он смял ненужный черновик и поджег его в своей ладони, объятый синим пламенем, не оставляя и следа. — Но я говорил вовсе не о смерти. — Он, наконец, поднял на неё глаза и, окинув критическим взглядом, вздохнул. — Все-таки нужно было ушить одежду под тебя.

Штаны висели на ней бесформенным мешком, низ пришлось подвернуть в несколько раз. Рубаха была впору только в талии, но грудь стягивали несколько импровизированных веревок, продетых в ткань. Рукава, как и штаны, были подвернуты, но шов, соединяющий рукав с плечом, всё равно безобразно свисал. Олюква была ниже ростом не только эльдаров, но и многих людей в отряде.

— Я потерплю, — смущенно пробормотала она, теребя край рукава. — Вы же...

— Ты, — мягко поправил её Каэл'тур, вставая из-за стола.

— ...Ты говорил, что нам пару дней добираться до города... — она запнулась, чувствуя, как краска заливает щеки. В её племени женщины обращались к мужчинам исключительно на «вы», и сейчас ей было невероятно трудно переучиться, даже после всего, что произошло. Всю свою жизнь она была для них немой тенью, а теперь должна была заговорить по-новому.

Каэл'тур смотрел на неё с приподнятой бровью — то ли с интересом, то ли пытаясь понять ход её мыслей.

— Олюква, ты помнишь наш разговор перед уходом из племени? — Она неуверенно кивнула. — Помнишь, что ты мне сказала тогда? — Снова кивнул. — Вот и отлично. — Он резко захлопнул папку с документами. — Я пойду, взгляну на твою повозку, а ты начинай собираться. Документы со стола тоже захвати, я в дороге с ними закончу.

Он быстро подошел к ней, легко, как пушинку, поцеловал

в лоб, потрепал по головам собак и мгновенно исчез за пологом палатки.

Олюква застыла на месте. Она поднесла пальцы к тому месту, которого коснулись его губы, и замерла в раздумье. Прикоснуться ли пальцами к своим губам, повторив его жест, или ждать, когда он поцелует её по-настоящему?

Всю свою жизнь она знала только любовь отца, да и ту он забрал назад, как только узнал, кем она является на самом деле. Она до сих пор помнила тот миг, когда он отвернулся и ушел, даже не обернувшись, оставив её перед выбором: остаться с племенем, которое её боялось, или пойти в неизвестность. Но Олюква больше не хотела молчать. Она хотела, чтобы её голос звучал не только для зверей, но и для людей. И если не для её племени, то пусть для этих чужаков.

Влажное и холодное прикосновение к ладошке заставило её вздрогнуть. Ближайший пёс с цепью на шее ткнулся в неё носом и тихо заскулил, второй, без цепи, последовал его примеру.

— Всё хорошо, ребята, — она опустила на колени перед ними, нежно касаясь их ушей и подбородков. — Просто мысли в голову пришли... плохие. Спасибо, что успокаиваете. — Она глубоко вздохнула и встала с пола. — Свободны.

Собаки, получив команду, тут же вскочили с мест, готовые к действию.

Олюква подошла к столу, где лежали три аккуратные стопки документов. Она понятия не имела, как их различить, но,

заметив кусок ткани, решила одну из стопок завернуть в неё, чтобы не перепутать.

Взяв кожаный мешок, укрепленный ползунской кожей, она аккуратно уложила сначала одну стопку, затем — обернутую тканью вторую, и сверху — третью. Застегнув пряжку, она повесила мешок на плечо. Ноша была не тяжелой, но для Олюквы, которую в племени оберегали от любой работы, словно принесет беду, она казалась весомой. Олюква аккуратно свернула карту, завязала её лентой и направилась к выходу.

Собаки уже ждали её у выхода, нетерпеливо переминаясь с лапы на лапу. Отодвинув тяжелую ткань полога, Олюква шагнула вперед и... врезалась лбом в кого-то, кто, судя по всему, собирался войти.

— Ай! — воскликнули они одновременно.

— Кого там... А, это ты, — Владлина, потирая ушибленный лоб, скривилась от боли. — Слушай, прости, я не хотела в тебя врезаться. У тебя кость тяжелая, — она поморщилась, продолжая массировать место удара.

— Это я должна просить прощения! — всполошилась Олюква, забыв о своей собственной боли. — Я не заметила твою тень. Можно посмотреть? — Она осторожно отвела руку Владлины в сторону. На лбу уже начало проявляться синеватое пятно, но шишка, к счастью, была не очень большой.

— Удар не сильный, — констатировала Олюква. — Через пару часов пройдет.

— Может, для твоего народа и пару часов, — буркнула Владлина, — а для людей с кровью дракона — неизвестно. — Она поднесла ладонь ко лбу, и от неё начал исходить легкий, морозный туман. В воздухе появилось что-то белое, чего Олюква раньше никогда не видела — не то дым, не то сгустившийся воздух.

— Что это? — Олюква с детским любопытством уставилась на ладонь Владлины. От этого белого вещества веяло странным, незнакомым ощущением.

— Магия.

— Нет, я не про магию. Я про то... белое. От него исходит что-то... незнакомое. И холодно.

— Это и есть холод, — усмехнулась Владлина. — Скоро ты и другие из твоего племени впервые в жизни увидят снег. — Она убрала ладонь, и синяк заметно побледнел. — Слушай, а где Каэл'тур? Мне нужно с ним... О, — она снова приложила ладонь ко лбу, чуть выше, — как хорошо-то...

— Он пошел смотреть мою повозку, — ответила Олюква, с восхищением наблюдая за действием магии.

— Повозку? — бровь Владлиной взлетела вверх.

— Да. За ним пришел боргун. Может, проводишь меня? А то я тут совсем не ориентируюсь, — попросила Олюква.

— Конечно, пошли.

Владлина, не переставая прикладывать холод к ушибленному лбу, повела Олюкву через лагерь. Собаки радостно бежали следом. На них оборачивались. Многие косились на

Владлину, источающую магию холода, и, хотя никто не решился осудить полукровку открыто, взгляды были тяжелыми.

— А что такое снег? — спросила Олюква, чтобы нарушить неловкое молчание.

— Холодное, мокрое, белое и еще раз холодное, — отрезала Владлина, явно не в настроении распространяться. Но, увидев недоумение на лице собеседницы, добавила: — Но иногда с ним бывает весело. Можно лепить, кидаться... Только потом становишься мокрой и мерзнешь до посинения. Бр-р-р... — она передернула плечами, изобразив крайнюю степень отвращения. — Я сейчас не в духе, так что не обращай внимания. — Она нахмурилась, уголки губ поползли вниз, придавая лицу кислое выражение.

— Это из-за того человека в черном? — догадалась Олюква.

— Гр-р-р... — Владлина глухо зарычала, и её глаза на мгновение вспыхнули звериным светом. — Я этого Морока разорву на части за то, что он тогда сделал! — выкрикнула она так громко, что сама же испугалась.

И в тот же миг обе девушки вздрогнули, ощутив на своих плечах чужую ладонь. Олюква повернула голову направо, Владлина — налево. Перед ними, словно из ниоткуда, возник Морок.

— Помянешь нечто... — процедила Владлина сквозь зубы, — и оно тут как тут.

Морок молча убрал ладони с их плеч. Одну руку он опустил, а другую оставил на весу, словно приглашая кого-то присесть. Ждать пришлось недолго.

— Кар!

Рядом раздался знакомый, хриплый крик. Ворон спикировал вниз и грациозно приземлился прямо на протянутую руку хозяина. Реакция девушек была диаметрально противоположной.

— Какой милашка! — восхитилась Олюква.

— Какой уродец, под стать хозяину, — фыркнула Владлина.

Ворон, явно обидевшись, уставился на Владлину и разразился гневной тирадой из возмущенного карканья. Владлина брезгливо отшатнулась, Олюква, наоборот, смотрела с восхищением и легким испугом. Морок же свободной рукой спокойно взял ворона за клюв, не давая тому продолжать. Лоти возмущенно забил крыльями, пытаясь вырваться, но, почувствовав твердую руку хозяина, мгновенно поник и затих. Морок медленно разжал пальцы.

— Кар, — произнес ворон уже спокойнее, повернув голову к Владлине. — Начнем первый урок. Кар!

От услышанного обе девушки синхронно сделали шаг назад. Даже для Олюквы, Звероуста, слышать столь осмысленную речь от птицы было непривычно и жутковато.

— Нуж-нет! — запротестовала Владлина. — Я не давала согла...

Она не успела договорить. Воздух вокруг неё уплотнился, и в следующее мгновение она оказалась заперта в прозрачной сфере, которая плавно поднялась над землей. Олюква испуганно отступила еще на шаг.

— Морок! — Владлина в ярости заколотила кулаками по внутренней поверхности шара. От ударов по прозрачной стене расходились едва заметные волны. — Отпусти меня сейчас же!

— Кар, — прокомментировал ворон с плеча Морока. — Чем больше физических ударов, кар, тем меньше шар, кар. Используй магию, кар.

— Ты издеваешься?! — Владлина в бешенстве ударила боком, и шар действительно заметно сжался. — Морок, это не смешно! Выпусти меня!

Морок даже не шелохнулся. Ворон на его плече демонстративно почесал клюв лапой.

— Ну, ладно! — прошипела Владлина. Она развела руки в стороны, и между её ладонями начал закручиваться вихрь морозного тумана, формируясь в плотный сгусток холода. — Icshard¹³! — выкрикнула она, резко выбросив руки вперед.

Из её ладоней вырвался комок спрессованного снега размером не больше яблока. Он врезался в стену шара, но не разбил её, а лишь заставил сферу сжаться еще сильнее. По магической тюрьме побежал иней.

— Зараза... — Владлина обхватила себя руками, дрожа

¹³ 15 минут

от холода, который сама же и напустила. — Выпусти меня!
СЕЙЧАС ЖЕ!

Морок лишь сокрушенно покачал головой, склонив её набок.

— Кар, — бесстрастно произнес ворон. — Засекаем время, кар. Три круга,¹⁴ кар.

— Три круга?! — взвизгнула Владлина. — Да ты... Я выберусь, и я тебе...

— Кар, — перебил её ворон. — Выполняй, кар.

Владлина только зарычала в ответ, но, убрав руки с остывающей стены, принялась изучать магическую ловушку изнутри.

Олюква, наблюдавшая за происходящим издалека, не могла отвести взгляд. Она никогда прежде не видела таких форм магии. Морок заметил её и обернулся. Ворон тут же перелетел на другое плечо. Морок достал из-за пазухи блокнот и перо, чтобы что-то записать, но внезапно остановился. Если бы Олюква имела возможность видеть его лицо, то уловила бы его выражение, но оно скрывалось под маской. Всё дело было в том, что она не знала письменности и даже не владела разговорным языком, на котором они сейчас общались. Это стало возможным благодаря магии Каэл'тура.

— Кар, кар, кар, — заговорил ворон, глядя на Олюкву. — «Вы шли к Каэл'туру?»

Олюква перевела взгляд с птицы на Морока и обратно. Он

¹⁴ 15 минут

тоже звероуст? Или просто научил птицу говорить?

— Д-да, — заикаясь, ответила она. — Меня Владлина должна была проводить к нему.

— Кар-кар-кар-ар, кар, — продолжил ворон. — «Для меня будет честью проводить вас к Лорду, если вы не против».

Олюква помедлила, прежде чем задать вопрос, который вертелся у неё на языке.

— Вы... Звероуст?

Морок и ворон замерли в полной тишине. Ворон склонил голову набок, уставившись на неё черной бусинкой глаза. Морок оставался недвижим.

— Кар, — наконец ответил ворон. — «Нет».

Вопросов стало только больше, но Морок внезапно протянул ей свободную руку.

— Кар-кар-кар, — произнес ворон. — «Мне проводить вас?»

— О, да, конечно! — обрадовалась Олюква. — Буду очень благодарна.

Морок продолжал держать руку.

— Кар, — подсказал ворон. — «Сумку».

— Не стоит, Морок, — запротестовала Олюква, но, взглянув на Владлину, которая теперь сидела в шаре на корточках, ссутулившись от холода, вздохнула. — Будьте с ней немного милосерднее, — попросила она.

Морок даже не обернулся на пленницу. Он просто развернулся и пошел вперед, и Олюкве ничего не оставалось, как

последовать за ним, бросив на прощание Владлине:

— Я пыталась...

Когда они подошли к месту сбора обоза, перед новенькой повозкой разворачивалась оживленная сцена. Каэл'тур, оторвав кусок шкуры от только что установленного сидения, что-то эмоционально объяснял боргуну, сообщившему о повозке. Боргун смущенно мялся, а остальные боргуны, собравшиеся вокруг, неодобрительно косились на своего Лорда.

— ...Так он об этих ситуациях говорил. — себе под нос сказала Олюква.

В памяти всплыл тот разговор.

— ...Но нам всё-таки стоит поговорить, Олюква.

Он убрал руки под нарядную рубаху и сел на кровать, глядя на неё серьезно.

— Посмотри на свое запястье. — Олюква с дрожью посмотрела на браслет, нарисованный на коже. — Я не полностью заключил тебя в наложницы, — она удивленно вскинула на него глаза. — Твоя сестра вряд ли оставит этот случай просто так. Она придет, и, возможно, приведет с собой войско. И тебе придется сделать выбор.

— Придется выбирать?..

— Конечно. Либо мои люди убьют тех, кто придет, либо ты, рассказав правду, заставишь их уйти, — он положил

руки на колени. — Только от тебя зависит исход. Но этот разговор я затеял не только поэтому.

— А п-но какой же?

— В разгар сражения у тебя есть выбор, — его тон был строгим, почти суровым. — Ты можешь покинуть нас, освободившись как от своего народа, так и от меня. Либо, если ты вступишься за нас, я публично признаю тебя. Однако есть важное условие, — он наклонился ближе, и его голос стал еще более серьезным, без следа прежней игривости. — Я не смогу всегда быть на твоей стороне. Ты должна будешь принять новую жизнь. Нашу жизнь.

Олюква тряхнула головой, отгоняя воспоминания. Она видела, как боргуны смотрят на неё — одни с любопытством, другие с плохо скрываемой неприязнью. Не давая себе времени на раздумья, она быстро подошла к Каэл'туру.

— Каэл'тур! — все взгляды обратились на неё. Она запыхалась, но старалась говорить спокойно. — Я услышала громкие голоса... — Она увидела вблизи шкуру, и сердце её болезненно сжалось — шкура была с животного, которого она не знала, но чувствовала его боль. Она заглянула в повозку. Внутри было сиденье, обтянутое той самой кожей, кое-где прибитое гвоздями, а под шкурой виднелось что-то белое, похожее на мох. — А что это? — спросила она, чтобы скрыть замешательство.

— Твоя повозка, — голос Каэл'тура мгновенно смягчил-

ся. — Хочешь посмотреть? — Он отошел от двери, давая ей заглянуть внутрь.

Для Олюквы, выросшей в племени, где не было никаких транспортных средств, кроме собственных ног, это было в диковинку. Она не умела оценивать плотницкую работу, но то, что она увидела внутри, её поразило. С одной стороны было удобное сиденье, с другой — несколько вбитых в стену деревянных колышков, пол был застелен знакомым ковром из палатки Каэл'тура.

— А почему древесина так выпирает?.. — спросила она, указывая на неровность и поворачиваясь к боргуну, на которого только что кричали. Она говорила с ним с искренним любопытством и уважением, отчего боргун заметно опешил. — Расскажите мне, пожалуйста, что вы смастерили, чтобы потом не беспокоить вас в пути вопросами? — она улыбнулась. — Да и сидеть на белом мхе будет, наверное, не очень удобно. Думаю, вы постелили шкуру не просто так, а для чего-то важного.

Боргун, чье лицо только что было багровым от смущения, теперь прямо-таки засветился от гордости. Его собратья переглянулись с удивлением.

— Конечно, Леди Олюква! — прогудел он. — Мой Лорд, позвольте объяснить?

— Рассказывай, — кивнул Каэл'тур, собираясь отойти, но Олюква остановила его.

— Каэл'тур, — позвала она. Он обернулся. — Я забрала

документы со стола. Их сейчас несет Морок, он сказал, что они тяжелые. И... — она кивнула на шкуру, которую Каэ'лтур все еще держал в руках, — верните, пожалуйста, шкуру на место. Боргуны так старались.

Все, кто был свидетелем этой сцены — и боргуны, и подошедшие люди с эльдарами — смотрели на Олюкву с новым интересом. Та, кого они считали безмолвной дикаркой, вела себя с тактом и достоинством истинной леди. Каэ'лтур, поначалу удивленный, расплылся в теплой улыбке.

— Конечно, моя Леди, — ответил он, и голос его звучал нежно. — И я же просил тебя называть меня...

Оглушительный взрыв потряс воздух. Сильный ветер поднял тучи пыли, заставив всех зажмуриться и закрыть лица. Когда пыль осела, Олюква и стоявший рядом боргун, как и все вокруг, уставились на источник шума. То, что они увидели, заставило их побледнеть.

На том самом месте, где Олюква оставила Владлину, теперь красовалась глубокая воронка, а над ней, тяжело дыша и сверкая глазами, стояла сама Владлина, вся в снегу и инее.

— А теперь держись, гаденыш, — прошипела она, буравя взглядом Морока, который стоял неподалеку абсолютно невозмутимый, с вороном на плече.

— О! — радостно воскликнул Каэ'лтур, словно не произошло ничего из ряда вон выходящего. — Так вы начали обучение!

— А тебе, абиссар-люмиэлиец, я кости переломаю! —

Владлина сжала кулак, окутанный морозным туманом.

— Ой-ей, — боргун, стоящий рядом с Олюквой, схватил её за руку своей огромной ладонью. — Леди, идемте со мной. Быстро. — Он кивнул своим, и те, не сговариваясь, начали отводить лошадей с повозкой подальше от эпицентра возможного конфликта.

— Владли! — раздался вдруг знакомый голос.

Владлина, уже готовая к атаке, резко обернулась. Её лицо мгновенно изменилось, гнев уступил место детской обиде.

— Братишка! — взвизгнула она и, забыв про Морока, бросилась на шею подоспевшему Владимиру. — Морок запер меня в шаре! — пожаловалась она голосом, полным слез.

Боргуны, люди, и эльдары наблюдавшие эту сцену, синхронно посерели и попятнулись еще дальше. Морок оставался на месте, а Каэл'тур, напротив, расплылся в довольной улыбке.

— Владимир! У нас успех! — объявил он. — Владлина смогла выбраться из сферы, в которых вы заточали драконигов и ползунов!

— Каэл'тур, — голос Владимира звучал угрожающе, — твой верный пёс схватил мою сестру и запер в этом... в этом... Он хоть понимает, что делает?!

Каэл'тур обернулся на Морока, затем снова посмотрел на разгневанного Владимира и с гордостью заявил:

— Да! И он засек время! Два с половиной круга! Для меня, конечно, не идеал, но для первого раза — вполне сносно!

Владымир и Владлина уставились на него с одинаково вытаращенными глазами. Владлина на руках брата начала обращаться, её зрачки вытянулись, глаза засияли ярче. Морок медленно поднял руки, демонстрируя "мирные" намерения, отчего Владлина, к удивлению всех, поспешно спряталась за спину брата.

— Мой Лорд! — Громорук появился и сразу заметил напряжённую атмосферу. Он понял, что зпора заканчивать. — Нам пора выступать, а вы тут развлекаетесь!

— И то верно, — легко согласился Каэл'тур, хлопнув в ладоши. — По коням, господа!

И, словно ничего не случилось, он направился к своей лошади, проходя мимо Олюквы. Сделав несколько шагов, он обернулся и посмотрел на неё с той самой теплой, чуть насмешливой улыбкой. Олюква, всё ещё находясь под впечатлением от произошедшего, невольно улыбнулась в ответ.

Обоз тронулся. Впереди шли разведчики, за ними — основные силы с телегами и повозками, груженными оружием и припасами. Далее ехали повозки с добычей и та, в которой сидела Олюква, а замыкали шествие арьергард, где и находился Каэл'тур. Он ехал верхом, изучая документы на ходу. Владымир был в голове колонны, Морок — где-то в середине, а Владлина, надутая и злая, плелась рядом с Каэл'туром.

— Зачем вы её рядом с собой держите? — не выдержала она наконец.

— Не понимаю вопроса, — не отрываясь от чтения, ответил Каэл'тур.

— Всё вы понимаете, — раздраженно фыркнула Владлина. — Олюква. Зачем она вам?

— Не она мне нужна, — поправил Каэл'тур, переворачивая страницу. — Это мы ей были нужны. И она решила остаться. Вот и всё.

— Это не ответ.

— А тебе-то какая разница?

Владлина промолчала, отвернувшись. Она и сама не могла объяснить, почему её так задела эта девушка. Чувство жалости, смешанное с чем-то ещё, не давало покоя.

— У тебя неплохо получилось с шаром, — неожиданно сменил тему Каэл'тур, — но ты выплеснула всю силу за раз, не рассчитав удар. Надо было бить точно, а не площадью.

— Я вас не просила о совете! — отрезала Владлина.

Каэл'тур резко захлопнул книгу. Владлина вздрогнула.

— Владлина, ты знаешь, что такое законы Порядка и Хаоса? — спросил он серьезно.

— Знаю, — буркнула она.

— Так расскажи, — он приподнял бровь. — Освежи мою память.

— Вы издеваетесь?

— Нет. Вполне серьезен. Возможно, это ускорит твое обучение. Я скажу Мороку, что ты знаешь законы, если он поднимет эту тему.

— А с чего он вообще должен её поднимать? — насторожилась Владлина.

— Владлина, ты — дитя, рожденное на стыке двух законов. Твоя природа ближе к драконьей, к Хаосу. А всё, чему тебя учили — это законы Порядка. Я хочу понять, что именно ты знаешь.

Владлина недовольно сжала губы, надулась и, пришпорив лошадь, ускакала вперед. Каэл'тур лишь покачал головой и снова открыл книгу.

Владлина добралась до повозки Олюквы. Заглянув в маленькое окошко, она увидела удивительную картину: собаки Каэл'тура, Гермес и Арес, ластились к Олюкве, тыкаясь мордами в её ладони, а она с тихой улыбкой гладила их. Один из псов, заметив Владлину, глухо зарычал. Олюква подняла голову и, увидев её, радостно замахала рукой, вставая с пола.

— Ого! — Олюква с восхищением уставилась на лошадь, рассматривая её с головы до ног. — А вам не больно? — спросила она, указывая на удила. — А как его зовут?

— Незабудка, — ответила Владлина, всё ещё хмурясь.

— Незабудка? — Олюква просияла. — Незабудка, меня зовут Олюква, — ласково обратилась она к лошади. Та фыркнула в ответ. — Такая же красивая, как и хозяйка, — улыбнулась Олюква, и Владлина, против своей воли, почувствовала, как её раздражение тает. — А вам удобно на ней ездить?

— Зависит от седла и расстояния, — ответила Владлина.

— А вы... у вас в племени не было лошадей?

— Нет, — покачала головой Олюква. — Все передвигались сами. — Она вдруг посмотрела куда-то за спину Владлины. — Ой, а это кто?

Владлина оглянулась. Мимо проезжали боргуны верхом на коренастых лошадках.

— А, это пони. Маленькие лошади.

— Но боргуны же тяжелые... — в голосе Олюквы послышалась тревога. — Им же тяжело...

Собака с цепью на шее, услышав разговор, положил передние лапы на подоконник, пытаясь тоже выглянуть наружу. Олюква рассмеялась.

— Гермес, ты тоже хочешь посмотреть? Арес, и ты тут?

— Это вы им дали имена? — удивилась Владлина.

— Нет, — с заговорщицким видом ответила Олюква, поглаживая псов. — Они сами попросили.

— Попросили?

— Да. Каэл'тур не дал им имён, а они хотели. Но не таких, знаешь, простых, — она повела рукой в воздухе, словно рисуя что-то. — Они хотели чего-то грозного, боевого. И вспомнили эти имена... — Она замаялась, припоминая. — Владельцев этих имён они назвали... эм... Пустоголовыми болванами.

Владлина от изумления открыла рот, переводя взгляд с псов на Олюкву.

— А они сказали, кто эти... владельцы?

— Сказали, что они и не стоят того, чтобы я о них знала. — как только Олюква произнесла эти слова, Арес задрал морду и завыл — протяжно и тоскливо. Олюква шикнула на него: — Арес, тихо! Неизвестно, кто может напасть. — пес гавкнул в знак согласия и высунул язык, довольно дыша. — Говорят, чтобы ты тоже забыла об этих владельцах.

— А если бы это были твои багисарцы¹⁵? — не унималась Владлина.

Псы одновременно зарычали и залились лаем на Владлину.

— Мальчики, прекратите! — Олюква прикрикнула на них, но беззлобно. — Я помню, что вы говорили. Мне просто стало интересно... — она вздохнула. — Ладно. Прости, Владлина, но они просят не забивать мне голову этой ерундой.

— Хо-ро-шо, — протянула Владлина, чувствуя себя немного обескураженной. — А как вы с ними так быстро нашли общий язык?

— Они не видят во мне врага, — просто ответила Олюква. — Звероусты — друзья для каждого зверя, особенно для... для детей Хаоса.

— Хаоса? — глаза Владлиной расширились. — То есть они...

Олюква поняла, что сболтнула лишнего. Она виновато посмотрела на собак.

¹⁵ боги

— Ой... Простите, ребята. — Она снова повернулась к Владлине. — Сохрани это в тайне, пожалуйста.

Владлина лишь кивнула, не в силах вымолвить ни слова.

— Я всю жизнь только с животными и общалась, — тихо сказала Олюква, поглаживая змейку, которая выглянула из-за ворота её рубахи. — Они спасли меня от смерти. И она всегда была рядом.

— А как в племени узнавали, кто Звероуст? — спросила Владлина, заворуженно глядя на рептилию.

— Перед младенцами убивали самое чувствительное животное, — голос Олюквы дрогнул. — Если ребенок слышал, он плакал. Если нет — оставался спокоен.

— То есть... вы с рождения... не слышали?

— Совсем нет, — возразила Олюква. — Новорожденные слышат очень хорошо. Чтобы ребенок в утробе не реагировал на звуки, матерям дают специальный напиток. Как только живот становится заметен. После рождения его отменяют, и слух восстанавливается сам. Но перед этим младенцу разрубают животное. Напиток делает их глухими, но у Звероустов особый слух, и никакой напиток не скроет это.

— Вы остались живы после обряда, это очевидно. Но когда вы осознали, что потеряли способность говорить?

— Я притворилась немой, — тихо сказала Олюква, качая головой. — Они не понимали, что со мной. Проводили обряды, давали настои... Но я не могла говорить. Точнее, не хотела. Звери меня защищали. Обещали: если я "уйду", они

восстанут.

— А сейчас? Ты их покинула...

— Они, наоборот, были рады, — улыбнулась Олюква. — Сказали, что так лучше.

— А ты?

Олюква задумалась, надолго замолчав. Её лицо стало печальным.

— Лучше было уйти. Вот только не знала, куда. А с вами... безопаснее.

— Наш поход не назовешь безопасным, — честно призналась Владлина.

— Я знаю, — кивнула Олюква. — Ребята рассказали. Но мне нравится то, что задумал Каэл'тур. Объединить всех в один народ. А тебе?

— Я с ним только из-за знаний о Хаосе, — пожала плечами Владлина. — Остальное неважно.

— Знаний Хаоса? — Олюква склонила голову набок. — Зачем они тебе?

— А зачем вообще нужны знания?

Олюква пожала плечами, не зная, что ответить. Владлина только фыркнула.

— Вы с Каэл'туром похожи, — неожиданно заявила она.

Олюква удивленно посмотрела на неё и снова села на пол, так что из окна была видна только её голова. Собаки тут же прильнули к ней с двух сторон.

— Что-то не так? — спросила Владлина.

— Мы... не ладим, — тихо сказала Олюква.

— По вам и не скажешь. Вон как он за тебя перед боргунами орал.

— Это да, но... — она снова выглянула, посмотрела на Каэл'тура, который всё так же читал на ходу, и вздохнула. — Он постоянно в работе.

— Он главный, у него много забот, — резонно заметила Владлина. — Ни за что бы не подумала, что буду защищать абисара, — добавила она с легкой усмешкой.

— Я слышала, что ты... полу... полу... — Олюква запнулась, подбирая слово.

— Да, полукровка. Человек и дракон, — с вызовом сказала Владлина.

— А что значит — «полукровка»?

— Это... ну, как взять два вида рыб и свести в одного. И получается что-то среднее, с чертами обоих.

Глаза Олюквы расширились от удивления. Она перевела взгляд на собак, те лишь согласно моргнули.

— А вы слышали о драконах? — удивилась Владлина.

— У нас мало говорили о других народах, — призналась Олюква. — Детей пугали, говорили, какие вы уродливые.

— И как тебе наше уродство?

Олюква окинула её долгим, изучающим взглядом и улыбнулась.

— Это была ложь. Вы все... милые. Даже боргуны... — она запнулась, подбирая слова. — Ну, кроме их огромных рук

и... такого количества волос везде, — она сморщила носик.
— У них правда так много шерсти?

— Честно говоря, я не особо присматривалась, — заговорщицки понизив голос, ответила Владлина. — И еще они к вечеру так воняют, что свинья рядом — просто цветочек.

Олюква рассмеялась — звонко и искренне, хотя понятия не имела, кто такие свиньи.

— А у тебя есть супруг? — спросила она, поглаживая Ареса.

— Не-а, — Владлина мотнула головой. — И не собираюсь.

— А поче... — Олюква вдруг резко обернулась, прислушиваясь к чему-то, чего Владлина не слышала. — А почему нет? — договорила она, поворачиваясь обратно.

— Что-то случилось? — насторожилась Владлина.

— Нет, ничего. Просто один зверь пробежал, не стоит внимания. Так почему?

Не зная, правда это или нет, Владлина решила ответить честно:

— Не найдется тот, кто сможет принять меня такой, какая я есть.

— У нас по-другому, — задумчиво сказала Олюква. — В своем кругу ты такая, какая есть. А с мужем — другая.

— Покорная? — скривилась Владлина.

— Нет, — покачала головой Олюква. — Показываешь себя такой, какая ты есть на самом деле.

— Странные у вас обычаи, — фыркнула Владлина. — Я

видела только одно: женщины, выходя замуж, становились покорными тряпками. А я не собираюсь себя терять. Мне и так моя жизнь нравится.

— А если встретишь того, кто примет?

— Нет таких, — отрезала Владлина и, заметив вдалеке знакомый черный силуэт, вздохнула. — О, абисарское отродье скачет. Удачи тебе.

Она пришпорила Незабудку и поскакала вперед, то и дело оглядываясь в поисках Морока. Увидев, что он проехал мимо, она облегченно выдохнула. Но тут же напряглась снова, заметив, что ворон, сидящий на его плече, что-то прокаркал в сторону повозки Олюквы.

— Вижу, ты нашла общий язык с Владлиной, — раздался голос Каэл'тура так неожиданно, что Олюква вздрогнула, хотя Владлина и предупредила её о его приближении. Она думала, он проедет мимо.

— Она интересная, — ответила Олюква, провожая взглядом удаляющегося Морока. — Очень сильная духом. Многие звери боятся к ней подходить. — она помолчала и спросила: — А драконы очень опасны?

— Драконы... — задумчиво протянул Каэл'тур. — Некоторые из абисаров могли бы сразиться с ними, но их слишком мало.

— Драконов?

— Да. После Т'ушу¹⁶ многие драконы погибли, а некото-

рые перешли на сторону врага. Только один уцелел, да и тот потом пропал. А недавно я узнал, что на одном острове обосновались сразу четверо.

— А Владимир с Владлиной — не оттуда?

— Нет, — покачал головой Каэл'тур. — О них я узнал случайно и, признаться, хотел помочь девчонке.

— А с Владлиной что-то не так? — насторожилась Олюк-ва.

— Я впервые вижу полукровок, — пожал он плечами. — Пока только строю догадки.

— То есть ты не знаешь, что с ней? — в голосе Олюквы послышался укор. — Это жестоко.

— Ты меня задела, — театрально схватился за сердце Ка-эл'тур.

Собаки одобрительно завыли.

— Ой, да ладно вам, — отмахнулся он от них.

— Они говорят, не переигрывай, — улыбнулась Олюква. — И у них теперь есть имена. Гермес и Арес.

— Только не говори, что они сами тебя попросили! — сделал испуганное лицо Каэл'тур.

— Да.

— Вот же вы сволочи! — театрально возмутился он, не в силах сдержать улыбку. — Взяли себе имена тех, кого лучше не поминать напрасно. О Тьма, забери их обратно!

— Тебе смешно, я вижу, — покачала головой Олюква.

— И не скрываю, — улыбнулся Каэл'тур. — Мои псы меня

удивили и порадовали. Ха-ха!

Олюква смотрела на него спокойно и тепло. Собаки до-вольно дышали, высунув языки.

— Вот вам, ребята, — Олюква магией подняла из короба шесть кусочков вяленого мяса. — Каждому по три.

Псы чинно уселись у окна и аккуратно приняли угощение. Каэл'тур наблюдал за этим с удивлением и гордостью.

— Хочешь прокатиться? — неожиданно спросил он.

Олюква удивленно подняла бровь.

— На лошади, — пояснил он.

Она застыла, не веря своим ушам.

— Да и ребятам не помешает пробежаться, — добавил он, кивая на собак.

«Он просто не хочет оставлять меня без присмотра», — мелькнула горькая мысль. Ей показалось, что это не забота, а контроль.

— Нет, спасибо, — ответила она, садясь на сиденье. — Можешь выгулять их сам. — Она помолчала и добавила: — И твоя лошадь сказала, что ты и так тяжелый.

Лошадь Каэл'тура фыркнула и мотнула головой, словно подтверждая её слова.

— Не стесняйся, — мягко сказал Каэл'тур. — А то, что я тяжелый — это он просто капризничает.

— Мы же движемся, — возразила Олюква. — Ты сам ска-зал останавливаться только по необходимости.

— А мы и не остановимся, — улыбнулся он. — Подожди.

Он придержал лошадь, и та замедлила шаг, скрывшись за стенкой повозки. Через мгновение раздался стук в дверцу. Олюква открыла.

— Ну-ка, ребята, выбегайте, — скомандовал Каэл'тур, и собаки, радостно взвизгнув, выпрыгнули из повозки на ходу и понеслись вперед. — А теперь, моя Леди.

Олюква вжалась в сиденье, испуганно глядя на движущуюся землю.

— Я боюсь.

Каэл'тур ловко, слез с коня, перебрался на ступеньку повозки и заглянул внутрь.

— Страх живет в каждом, — сказал он тихо, протягивая ей руку. — Но его нужно преодолевать. Чем дольше откладываешь, тем сильнее он становится. — Он чуть подался вперед и положил ладони ей на плечи, его прикосновение было твердым и ободряющим. — Я буду держать тебя. Физически и магически. Даю слово.

— Ты говорил, что абисары заключают договоры письменно, — прошептала она, не поднимая головы.

— Ты хочешь договор... на отношения? — удивленно спросил он. — Это неправильно, Олюква. В отношениях всё должно быть не на бумаге, а в сердце.

— А какие у нас отношения? — она наконец подняла на него глаза.

— Ты — моя наложница, — он взял её ладонь и поцеловал.

— Ты говорил, что тебе не нужны наложницы.

— Я много чего могу сказать, — его голос был серьезен.

— Но тот разговор был нужен, чтобы поставить тебя перед выбором. И ты выбрала.

— А то, с боргунами? — она кивнула в сторону удаляющегося обоза.

— Я учил их, — объяснил Каэл'тур. — Среди нас есть те, кто помнит старые обиды на твой народ. И я показал им, что будет, если они поведут себя неправильно. — он улыбнулся. — Но ты повела себя иначе. Ты удивила всех — своим любопытством, своим тактом. Теперь о тебе думают иначе. — он приблизился к её уху и прошептал: — Я горжусь тобой.

Он выпрямился и снова протянул руку.

— А теперь пойдём. Прокатимся.

Олюква встала, чувствуя, как дрожат колени. Каэл'тур выглянул наружу, коротко свистнул — особый сигнал для возниц. Те придержали лошадей, повозка замедлила ход. Лошадь Каэл'тура, послушная команде, шла теперь рядом, почти вплотную.

Каэл'тур первым ловко перемахнул в седло, одним движением забросив правую ногу и устроившись на спине коня. Он на мгновение замер, призвал магию очищения — и седло больше не казалось жёстким.

— Смотри внимательнее, — сказал он, подтягивая лошадь вплотную к повозке. Он протянул ей руку. — Давай. Правую ногу на стремя.левой отталкивайся от повозки —

словно ныряешь. А дальше я поймаю.

Олюква посмотрела на его ладонь — широкую, тёплую, надёжную. Внизу проплывала земля, и у неё снова закружилась голова.

— Мне страшно, — выдохнула она.

— Верь мне.

Два слова. И эта протянутая рука. Олюква вдруг поняла: она действительно ему верит. Не потому что он лорд, не потому что так надо. А потому что в его жестах, в его взгляде — настоящая забота.

Она поставила правую ногу на стремя, вцепилась в его ладонь и, зажмурившись, оттолкнулась левой ногой от повозки.

На мгновение ей показалось, что она падает. Но вместо падения пришло ощущение полёта — мягкого, невесомого, словно время замедлилось. Сильные руки подхватили её за талию, направляя, поддерживая.

— Так, молодец, — голос Каэл'тура звучал рядом. — Теперь левую ножку подожди ближе к груди.

Она послушно подтянула ногу, чувствуя, как его ладони аккуратно разворачивают её тело. Теперь она сидела боком, лицом к голове лошади.

— А теперь отпускаяй ножку в другую сторону, — скомандовал он.

Медленно, всё ещё чувствуя его поддержку, она перенесла ногу через круп лошади. И вдруг ощутила, как опускается

на седло — плотно, надёжно, оказавшись в кольце его рук.

— Умница моя, — выдохнул Каэл'тур ей в макушку и поцеловал.

Поцелуй был лёгким, но от него по спине пробежал жар.

— Дай-ка я ноги в стремя вставлю, — спохватился он.

— А я как же? — испуганно спросила она.

— Громила знает мои команды, — он кивнул на лошадь, чьи уши внимательно двигались, ловя каждое слово. — Ты просто наслаждайся. Смотри, какой вид.

Вид открывался, в общем-то, обычный: бескрайняя степь, уходящая к горизонту дорога, караван повозок впереди. Но Олюква смотрела не на горизонт. Она смотрела на свои руки, сжимающие поводья, чувствуя за спиной твёрдую грудь Каэл'тура, его дыхание у своего виска. Ветер трепал её волосы, и впервые в жизни она не боялась. Она была в безопасности.

— И чуть не забыл, — его губы снова оказались у её уха, горячий шёпот заставил её вздрогнуть. — Зови меня Каэль. И можешь обращаться ко мне перед всеми — «мой Каэль».

Он поцеловал её в щеку — быстро, но так чувственно, что у Олюквы перехватило дыхание.

Она не могла повернуться и посмотреть на него — мешал страх, мешало смущение, мешало что-то огромное и тёплое, распирающее грудь. Но она точно знала: он принял её. Так же, как она приняла его. Только она сделала это намного раньше. Намного. Ещё тогда, когда впервые увидела.

Глава 3

— Давай, братишка! Зимдир, давай!

Авродар, сверкая белыми волосами в лучах утреннего солнца, скакала вокруг своего младшего брата, который только недавно вылупился из яйца. Зимдир, как и положено юному горакону, пока мало походил на грозного дракона. Мощные лапы, предназначенные для дробления скал и прокладывания глубоких туннелей, были ещё по-детски неуклюжими. Крылья, которым только предстояло раскрыться, прятались под бугорками на спине, а чешуя напоминала скорее мягкий бархатистый панцирь, чем прочную каменную броню.

Игдраил, терпеливо объяснял Миранде особенности взросления гораконков. Чтобы обрести свою легендарную силу, им нужно впитывать минералы прямо из почвы, грызть определенные породы деревьев и подолгу жить в глубоких пещерах, где давление и темнота делают их тела невероятно крепкими.

Миранда, хоть и не до конца осознавала всю сложность взросления драконов, твёрдо решила, что Зимдир будет получать всё необходимое. Каждый день Игдраил отправлялся добывая для сына блестящие кусочки кварца и известняка.

И вот теперь Авродар, как самая заботливая старшая сестра, наблюдала за братом. Тот, повинаясь инстинктам, с упо-

ением ползал под верхним слоем почвы, оставляя за собой неровный след — земля то вздымалась холмиком, то проваливалась, отмечая его подземный путь.

— Найдамир, помоги маме полить помидоры, — раздался голос Миранды с огорода.

— Хорошо, матушка, — спокойно ответил мальчик.

Найдамир вылупился прошлой зимой, как раз когда Авродар впервые превратилась в человека. Самым чудесным было то, что Авродар быстро освоилась: сначала ползала, потом научилась сидеть и ходить. Поначалу ей было трудно говорить, слова давались с трудом, но теперь она не замолкает ни на минуту и щебечет без умолку. Найдамир же был полной её противоположностью — спокойным, созерцательным ребёнком. Он мог молчать о чём-то до последнего, пока не становилось очевидно, что он поранился или случайно что-то натворил. Миранда никогда его не ругала, а лишь терпеливо объясняла, что и как нужно было сделать и почему так вышло. А он каждый раз, виновато опуская глаза, отвечал одно и то же: «Я не хотел, чтобы мама переживала». А после появления Зимдира Найдамир и вовсе взял на себя множество домашних обязанностей, стараясь облегчить труд матери.

Найдамир принадлежал к виду водяных драконов — Водонов, и его тело разительно отличалось от тел сестры и брата. Оно было гибким, змеевидным, с переливающейся чешуей, но главным его отличием были нежные жабры на шее и

раздвоенный, как у рыбы, хвост. С самого вылупления он обожал воду — мог часами плавать в пруду, в реке, в любой луже, и температура для него не имела значения. А вот печь и открытый огонь он обходил стороной, жмурясь и отползая подальше. С рождением Зимдира их связь стала особенно заметной: стоило братьям оказаться рядом, как они тут же начинали возиться, превращаясь в двух чумазных сорванцов, за которыми только успевай следить.

Авродар с Зимдиром тоже в конце концов нашли общий язык, хотя в первые дни после его вылупления дом сотрясался от их яростного шипения. Игдраил тогда успокаивал Миранду, объясняя, что это древний инстинкт, природное соперничество между разными видами драконов. Но посмотрите на них сейчас! Веселились так, что земля дрожала. Пока Зимдир увлечённо прокладывал подземные ходы, Авродар, сосредоточенно высунув язык, собирала сочную траву и складывала её в корзину.

Так они и жили. До того самого дня, когда у Авродар в человеческом облике проснулась магия, а у Найдамира — после купания в пруду. Тогда он, играя, создал вокруг себя настоящий водоворот и чуть не захлебнулся. В человеческом теле у него не было жабр, и если бы не подоспевший Игдраил, мальчик наглотался бы воды. С тех пор Найдамир боялся собственной силы. Авродар же, когда поняла, на что способна её магия в человеческом обличье, перепугалась до дрожи и старалась её не использовать. Тот случай в пруду оставил

в памяти обоих болезненный след.

— Мама, я по... — начал Найдамир, но его перебили.

— Зимдир! Зимди-и-ир! Куда ты подевался?! Зимдир!

Отчаянные крики Авродар разорвали тишину летнего дня, эхом разлетевшись по дому и окрестностям. Миранда, собиравшая огурцы в фартук, выронила их и, не разгибаясь, побежала на крик, на ходу вытирая руки о подол.

— Аврора! Что случилось? — Миранда подбежала к дочери, которая, стоя на коленях, лихорадочно шарила руками по земле, пытаясь найти хоть какую-нибудь норку.

— Мамочка, я правда за ним следила! Я отвернулась всего на секунду, чтобы сорвать травинку, а он... он просто перестал копать! Его нет! — Авродар захлёбывалась слезами, её плечи мелко дрожали. Миранда схватила её, развернула к себе и крепко прижала, глядя по растрёпанным светлым волосам.

— Тише, тише, моя хорошая. Всё будет хорошо, мы обязательно его найдём, — шептала она, чувствуя, как колотится сердце дочери у неё на груди. — Он просто маленький, увлёкся и зарылся чуть глубже. Сейчас мы его позовём. — Она отстранилась, заглянула в заплаканные глаза Авродар и, убедившись, что та немного успокоилась, крикнула в сторону огорода: — Зимдир! Радость моя, ау! Мама зовёт тебя!

— Зимдир! — вторила ей Авродар дрожащим голосом.

— Мама, он здесь! — крик Найдамира с картофельного поля прозвучал как гром среди ясного неба. Мать и дочь, не

стговариваясь, бросились туда.

Найдамир стоял над свежей, только что образовавшейся ямкой. Земля вокруг неё проседала, осыпаясь внутрь. Авродар, всё ещё всхлипывая, вцепилась в мамин подол. Миранда и Найдамир замерли, глядя, как из норы, отфыркиваясь и перебирая лапками, показался... нос. Маленький, чёрный, с длинными усами. А потом и вся мордочка — крот! Он недоуменно замер, глядя на застывших людей.

— А-а-а! — взвизгнула Авродар, прячась за матерью.

— Мама, кто это?! — Найдамир и Авродар, повинувшись внезапному порыву, прижались к Миранде с двух сторон и вцепились в её руки.

Крот, не ожидавший такой шумной встречи, рванул обратно в нору, чтобы спастись бегством, но внезапно замер на месте, смешно дёрнул передними лапками и... попятился, словно что-то выталкивало его из туннеля.

— Ах ты! Зимдир, быстро отпусти кротика! Зимдир, я кому сказала!

Миранда мгновенно присела на корточки и со всей силы хлопнула ладонью по земле — точно так же она стучала по столу, когда злилась на Игдраила за то, что он притаскивал в дом грязь на сапогах.

Крот отчаянно пытался вырваться, но из норы показалась голова Зимдира. Маленький дракончик, повинувшись охотничьему инстинкту, крепко сжимал добычу своими ещё слабыми, но цепкими челюстями.

— Зимдир, сейчас же отпусти! — Миранда шлёпнулась рядом с норой, стараясь не задеть крота. — Быстро отпусти! Зимдир! Ай!

Она снова ударила по земле, и в этот момент крот, отчаянно защищаясь, полоснул её по ладони острыми когтями. Царапина, мгновенно наполнившаяся кровью, пересекла руку от основания пальцев до запястья. Земля смешалась с алой кровью, и рана стала ещё страшнее.

— Мама! — в один голос закричали дети, увидев, как мать отдёрнула руку и зашипела от боли.

— Мамочка! Как нам тебе помочь?! — Авродар заметалась, не зная, за что хвататься. — Найдамир, что нам делать?!

В глазах Найдамира вспыхнул холодный, опасный огонь. Он не смотрел на маму. Его взгляд был прикован к кроту, к этому источнику боли. И к Зимдиру, который, сам того не желая, стал причиной этого. Мальчик резко взмахнул рукой в сторону бочки с водой, стоявшей у забора. Вода в бочке всколыхнулась и послушно взметнулась в воздух тугим прозрачным жгутом. Она ударила точно в цель, залив нору. Крот, освободившись от захвата, мгновенно нырнул на дно, а Зимдир вынырнул, но его голова оказалась зажата в идеально круглом водяном шаре. Он бил лапками, пытался вдохнуть, но вода не пропускала воздух, заливая глаза и ноздри.

— Нет, Найдамир! — Миранда бросилась к сыну и схватила его за плечи, пытаясь разорвать зрительный контакт с

водой. Но мальчик был непреклонен, его лицо окаменело от гнева и страха за мать. Тогда она, не раздумывая, размахнулась и ударила его по щеке. Звонкий шлепок разнёсся по двору. Водяная тюрьма на морде Зимдира мгновенно превратилась в бесформенную лужу, и дракончик, хрипло закашлявшись, завалился на бок.

Авродар с криком бросилась к брату, подхватила его на руки и попыталась привести в чувство.

А Миранда так и стояла, замерев с занесённой рукой, не веря в то, что только что сделала.

— Ма... мама... — Найдамир смотрел на неё широко раскрытыми, полными неверия и боли глазами. Щека горела.

— Он твой брат, Найдамир, — голос Миранды дрогнул, она медленно опустила руку. — Зимдир — твой брат. — Она перевела дыхание, в глазах стояли слёзы. — Он брат Авродар. Он мой сын и сын твоего отца. Он — член нашей семьи. И никто, — её голос зазвучал громче, впервые в жизни она повысила голос на ребёнка, — никто не смеет причинять вред члену семьи! Никогда!

Зимдир, наконец откашлявшись, жалобно заскулил, прижимаясь к сестре. Даже он, маленький и ещё многого не понимающий, испугался маминого гнева.

— Если кто-то из вас... — Миранда запнулась, комок в горле не дал ей договорить. Сдерживаемые слёзы потекли по щекам. Она развернулась и, зажав раненую руку, быстро пошла к дому и скрылась за дверью.

Зимдир скулил на руках у Авродар, которая сама едва сдерживала рыдания. Найдамир стоял, низко опустив голову, и крупные солёные слезы капали на картофельную ботву. Он не хотел причинять брату боль. Он просто хотел, чтобы исчез тот, кто посмел ранить его маму.

Вечер опустился на дом тяжёлым, давящим покрывалом. Миранда так и не вышла готовить ужин, лишь изредка подавала Авродар короткие команды из кухни. Девочка изо всех сил старалась помешать что-то в кастрюльке, шмыгая носом. Найдамир не заходил в дом. Он сидел на завалинке, обхватив колени руками, и боялся даже поднять глаза. Зимдир, всё ещё всхлипывая, свернулся клубочком на руках у матери, которая молча укачивала его, невидящим взглядом уставившись в одну точку.

— А ты чего тут сидишь? — раздался из темноты низкий спокойный голос.

Игдраил вышел из леса, плавно ступая огромными лапами. На его широкой спине покоилась корзина, полная добытых в глубине гор камней, которые переливались всеми цветами радуги в последних лучах заката: кроваво-красная яшма, молочно-белый кварц, зеленоватый малахит.

— Просто... — Найдамир дёрнул плечом, пытаясь скрыть от отца покрасневшие глаза и виноватое выражение мордочки.

Игдраил поставил тяжёлую корзину на землю и, тяжело вздохнув, опустился рядом с сыном, обдав его запахом лес-

ной хвои и прохладного камня.

— Рассказывай, — сказал он, не повышая голоса, но так, что послушаться было невозможно. — А то будешь корить себя до самой старости. Я знаю, ты до сих пор вспоминаешь тот случай на пруду.

— Я не из-за этого... — пробормотал Найдамир.

— А из-за чего тогда?

Мальчик молчал, подтянув колени к самому подбородку. Его плечи мелко дрожали.

— Зимдир поймал крота под землёй... — наконец выдал он, и слова полились бурным потоком, перемежаясь всхлипами. — Мама хотела его спасти... а тот её... поцарапал... Сильно. Кровь была... — он разрыдался, закрыв лицо руками.

Игдраил осторожно прижал сына к себе, его огромная, покрытая корой ладонь легла на спину мальчика, успокаивающе поглаживая.

— Я хотел... я хотел, чтобы Зимдир отпустил крота ... но я... я хотел, чтобы они оба исчезли! И крот, и Зимдир! Я разозлился на него! А мама... мама меня ударила. И накричала. Сильно. — слова Найдамира заглушались рыданиями.

Игдраил молча выслушал его, продолжая гладить сына. Когда мальчик затих, он поднял голову и негромко, но властно позвал:

— Миранда!

Найдамир испуганно дёрнулся:

— Нет, папа, не надо!

— Да, Игдраил? — Миранда вышла на порог, её фигура чётко вырисовывалась в свете, льющемся из дома. Лицо было бледным, но спокойным.

— Не надо, мама! — снова вскрикнул Найдамир.

— Чего не надо? Надо. Миранда, скажи нам, всем нам, что ты почувствовала сегодня? Когда увидела, что твои дети в опасности? — голос Игдраила был спокоен, как гладь горного озера.

Из-за маминой спины несмело выглянула Авродар.

Миранда перевела взгляд на Игдраила, потом на детей, и её глаза наполнились той самой теплотой, которую они так боялись потерять.

— Страх, Игдраил. Простой животный страх. — Голос её дрогнул, но она продолжила: — Я всегда боюсь. Неважно, в облике дракона или человека. Я боюсь за вас всех. За вас и за вашего отца тоже. Каждую секунду.

— Правда?.. — пискнула Авродар, не веря своим ушам.

— Конечно, глупенькая. — Миранда слабо улыбнулась. — Аврора, я до сих пор вздрагиваю, когда ты, такая маленькая, но такая умелая, берёшь в руки нож, чтобы помочь мне на кухне. Я боюсь за Найдамира каждый раз, когда он ныряет в пруд, — вдруг он устанет или его зацепит коряга на дне? И за Зимдира. Он ещё совсем кроха, живёт инстинктами и не понимает, где добро, а где зло. Я боялась, когда вы были маленькими дракончиками: Авродар ползала повсюду, особен-

но по потолку, а Найдамир вообще умудрялся плавать почти в кипятке... — она перевела дыхание, и её голос стал тише, но твёрже: — Но больше всего на свете я боюсь, что ваша связь, которая только-только начала формироваться, однажды разорвётся. Что вы станете чужими друг другу.

При упоминании о своих прошлых шалостях Авродар и Найдамир стыдливо опустили головы. Они вдруг остро осознали, что мама всегда была рядом. Всегда волновалась. Всегда любила.

— Я люблю вас всех одинаково, — зазвенел голос Миранды. — У меня нет и не может быть любимчиков. И я оторву голову каждому, кто посмеет вас обидеть! Но когда один член семьи причиняет вред другому... это неправильно. Это хуже всего на свете.

Найдамир поднял глаза на брата. Зимдир больше не скулил, но всё ещё вздрагивал и тихо постанывал на руках у матери. Мальчик встал и медленно подошёл к ним. Он заглянул дракончику в глаза, но тот всё ещё обиженно прятал мордочку.

— Прости меня, Зимдир, — голос Найдамира дрожал. — Я очень испугался за маму. Я хотел, чтобы крот исчез... Я не хотел сделать тебе больно, правда! — по его щекам снова потекли слёзы. — Я испугался и разозлился. Прости меня, пожалуйста.

Зимдир поднял голову, посмотрел на брата своими огромными, ещё влажными глазами и, жалобно заскулив, протянул

к нему передние лапки. Миранда осторожно опустила его на руки Найдамиру. Братья прижались друг к другу: один тихо поскуливал, второй вздрагивал от беззвучных рыданий.

Авродар, наблюдавшая за ними, не выдержала. Она побежала и обняла их обоих, прижав к себе так крепко, как только могла.

— И меня простите... — прошептала она, уткнувшись носом в макушку Найдамира. — Я старшая, я должна была лучше за вами присматривать... Простите меня...

Игдраил смотрел на эту картину: трое его детей, обнявшись, плачут и мирятся. В их маленьком мире снова воцарился хрупкий, но такой важный мир. Он перевёл взгляд на Миранду. Она стояла на пороге, прижимая к груди перевязанную тряпкой ладонь, и на её лице, освещённом тёплым светом из дома, сияла улыбка — усталая, но бесконечно счастливая и любящая. Игдраил шагнул к ней, чтобы обнять и разделить с ней эту минуту тихой семейной радости, но вдруг её улыбка померкла. Глаза широко распахнулись, закатились, и она, обмякнув, начала медленно оседать на землю.

— Миранда!

**

— О-ре-хи. — Олюква рассматривала орешек округлой формы, проводя ножом по тонкой выемке. Она положила

нож и ладошками разломил скорлупу на две половинки, увидев внутри всё то же самое, что и во всех предыдущих: гладкое ядрышко, уютно устроившееся в деревянной колыбели. Вынув орешки, она отправила их в баночку, уже наполовину заполненную, а скорлупу ссыпала в другую. — На человеческом языке они звучат куда проще и... Короче, что ли. Правда, ребята?

Олюква посмотрела на собак, развалившихся на коврик, но те отозвались дружным разноголосым поскуливанием. Гермес — с протяжным зевком, будто сама мысль об ответе его утомляла, Арес — утробным, сонным звуком, даже головы не поднимая. Олюква рассовала по баночкам отдельно орешки и скорлупу.

— Вы побегать хотите? — спросила она с жалостью в голосе.

Собаки мгновенно подобрались, сели ровно, как по команде, и сделали морды до того невинными, будто ничего, кроме как мирно дремать на коврике, им и не нужно было вовсе. Гермес даже улыбнулся, высунув язык.

— Хорошо, — усмехнулась Олюква.

Она протянула руку к двери повозки и стала выстукивать ритм. Тук-тук-тук, тук. Пауза. Тук. Тук.

За дверью повисла тишина, а затем раздался ответ: тук-тук.

— Ребята хотят прогуляться, — крикнула Олюква, не вставая.

Дверь со скрипом отворилась, и внутрь ворвался свежий, влажный воздух, пахнувший мокрой листвой и далёкой грозой. За дверью моросил дождь, рисуя косые линии на сером небе. Знакомая лошадь, терпеливо переминавшаяся с ноги на ногу, тряхнула гривой, а фигура в тёмном плаще, державшая дверь, сидела у неё на спине. Каэл'тур заглянул в проём так, чтобы его было видно, его взгляд из-под капюшона упёрся в двух собак, которые при виде хозяина моментально подобрались ещё сильнее, но сделали при этом такие печальные глаза, словно их только что лишили последней радости в жизни.

— Ребятки, — строго начал Каэл'тур, и в его голосе слышались нотки, не терпящие возражений, — если вы выбежите сейчас под такой дождь и в эту слякоть, я вас больше к Олюкве не пущу.

Эффект был мгновенным. Гермес и Арес понурили головы, уши обвисли, и они с таким неподдельным трагизмом воззрились на хозяина, словно только что потерпели не поражение, а самую страшную участь в своей собачьей жизни.

— А сколько нам ещё добираться? — спросила Олюква, сгребая со стола мелкие крошки и ореховую пыль в ладошку и сыпая в ведёрко.

— Уже скоро прибудем к лагерю, — отозвался Каэл'тур, поворачивая голову и всматриваясь вдаль сквозь пелену дождя. — А сам город большой?

Каэл'тур хмыкнул, поправляя капюшон, чтобы дождь не

заливал лицо.

— Ну-у-у... Не совсем так, как ты, возможно, думаешь. Но его история и постройка меня до сих пор удивляют. Основатель по имени Аквард обосновал этот город прямо на берегу моря. Сначала он развивался за счёт жемчуга, рыбьей икры, редких пород рыб и морских растений, что растут только в солёной воде. А потом город так разросся, что вплотную приблизился к этому озеру. — указал на озеро, которое шестой день было по правую сторону от них. — И теперь у них двойная прибыль: и море, и пресная вода. — усмехнулся он.

— И-и-и... — Олюква замаялась, теребя край туники. — Мы туда отправляемся за рыбой?

Каэл'тур от души рассмеялся, запрокинув голову, так что капли застучали по открывшемуся лицу.

— Ха-ха-ха! Нет, моя милая. Вовсе нет. — Он отсмеялся и посерьёзnel. — Этот город известен мне не только рыбными богатствами. Там невероятно развита механика. Хитроумные приспособления для самых разных нужд. Мне нужны свежие идеи для усиления нашего войска. Боргуны, конечно, мастера своего дела, но иногда полезно взглянуть на вещи чужими глазами.

— Вот как... — Олюква поникла, в её голосе послышалась едва уловимая грусть. Она перевела взгляд на собак, которые, казалось, разделяли её состояние, лёжа всё с теми же скорбными мордами. — Ребята, идите побегайте. Мне тут есть чем заняться, а вам движение нужно. Ну же!

Собаки переглянулись и жалобно заскулили в два голоса, словно спрашивая: «Ты точно этого хочешь?»

— Идите, разомнитесь, — поддержал Каэл'тур, и в его голосе проскользнули тёплые нотки. — А то Олюква вон как за вас переживает, что я уже ревновать начинаю.

Этого оказалось достаточно. Гермес и Арес моментально вскочили, отряхнулись, радостно гавкнули на хозяина — то ли в знак благодарности, то ли подшучивая над его ревностью — и пулей вылетели в распахнутую дверь, через мгновение исчезнув в зарослях мокрого папоротника, поднимая тучи брызг.

— Вот озорники, — покачал головой Каэл'тур, провожая их взглядом. Он обернулся к Олюкве, и его голос стал мягче: — Хочешь со мной прогуляться по городу?

Олюква замерла, удивлённо вскинув брови.

— Я же сильванка, — напомнила она тихо, словно это всё объясняло. — Меня там...

— Знаю, — перебил Каэл'тур спокойно. — Я могу наложить иллюзию. Или, что надёжнее, оденешь мантию с платком, чтобы лицо закрыть. Никто и не заметит. И магию не заподозрит.

Тут он заметил, как Олюква поёжилась, прижимая локти к телу. Мурашки побежали по её рукам, выдавая, что от прохлады, задувавшей в открытую дверь, её тонкая одежда спасала плохо.

— Лучше мантию, — поправился Каэл'тур, шагнув нару-

жу. — И поскорее одеть тебя потеплее. Удачи.

Он закрыл дверь, оставив Олюкву в полумраке повозки. Она стояла и слушала, как дождь барабанит по крыше, как где-то вдалеке перекликаются, лают собаки, и как стучит её собственное сердце — чуть быстрее обычного. Мысли путались. С одной стороны — страх. Она сивланка, а в человеческих городах их не жалуют. С другой — любопытство. Увидеть Акварию своими глазами. Механизмы, о которых говорил Каэл'тур. Может быть, даже море.

Она подошла к небольшому сундуку в углу, откинула тяжёлую крышку и принялась перебирать вещи в поисках тёплой мантии. Руки слегка дрожали — то ли от холода, то ли от предвкушения. Вытащив плотную тёмно-синюю ткань, она закуталась в неё и уселась поудобнее. Ноги забралась на сиденье, укрывшись очень плотно.

— Как думаешь, в Акварию продают жемчужины для простых людей? — спросила Владина, с любопытством поглядывая на брата из-под капюшона. Капли дождя стекали по краю ткани, но она, казалось, не замечала сырости, полностью увлечённая мыслями о предстоящем городе.

— Вряд ли, — отозвался Владимир, не оборачиваясь. Его взгляд был устремлён вперёд, туда, где за пеленой дождя уже угадывались очертания построек. — Жемчужинам нужно много времени, чтобы вырасти до нужного размера. Это тебе не ягоды в лесу собирать. Их годами растят, лелеют, ны-

ряльщики рискуют жизнями, доставая раковины со дна. За просто так такую красоту никто не отдаст. А ты что, хочешь жемчужины приобрести? — Владимир покосился на сестру, в его глазах мелькнула хитринка.

— А кто не захочет? — мечтательно протянула Владлина. — Представляешь, как они переливаются на солнце? Говорят, если жемчужину поднести к свету, внутри можно увидеть радугу. А ещё...

— Я, например, — перебил брат, и на его лице расплылась широкая ухмылка. — Мне и без жемчужин неплохо.

Владлина возмущённо фыркнула и, недолго думая, со всей силы заехала брату кулаком по плечу. Удар вышел звонким даже сквозь плотную ткань плаща.

— Ай! — Владимир схватился за плечо, но продолжал улыбаться. — Ха-ха-ха! Ладно, ладно, извини! Я понял, я всё понял! — он поднял руки в примирительном жесте, едва удерживая поводья. — Все девушки хотят жемчужины. Осознал. Принял. Обязательно тебе её достану. Хоть из-под земли, хоть со дна морского.

Владлина смягчилась, поправила сползающий капюшон и благодарно улыбнулась:

— Спасибо, братишка. Но ты только покажи, где продают, — она подняла палец, подчёркивая важность момента. — Я сама её куплю. И ещё что-нибудь... — её взгляд затуманился мечтой. — Может, брошку с морским коньком. Или шкатулку, инкрустированную перламутром. Или...

— Любишь ты всякий хлам собирать, — хмыкнул Владимир, пряча усмешку в вороте плаща.

Владлина тут же нахмурилась, в глазах сверкнула обида:

— Эй! Это вовсе не хлам.

— Хорошо-хорошо, не хлам, — примирительно кивнул брат, но, помедлив, добавил с невинным видом: — Мусор.

Этого Владлина стерпеть уже не могла. Она развернулась на лошади, замахнулась для нового удара, но в этот момент лошадь под ней, словно почувствовав её резкое движение, споткнулась о невидимую кочку. Владлина качнулась в сторону, потеряла равновесие и едва не вылетела из седла, вскрикнув от неожиданности.

— Владли! — Владимир молниеносно протянул руку, перехватив сестру за локоть и удерживая в последний момент, пока она не сползла на мокрую землю. — Держись крепче, — сказал он уже без тени насмешки, с беспокойством заглядывая ей в лицо. — И помедленнее. Я же пошутил.

Владлина выдохнула, поправила съехавший набок капюшон и благодарно кивнула:

— Хорошо. И спасибо.

Они посмотрели друг на друга, и в этом взгляде было всё: и братская забота, и привычное подтрунивание, и та особенная теплота, которая бывает только между самыми близкими людьми. Улыбнувшись, они развернули лошадей и продолжили путь, держась теперь чуть ближе друг к другу.

Далеко позади, на почтительном расстоянии, чтобы не мешать разговору брата с сестрой, но достаточно близко, чтобы не терять их из виду в дождливой дымке, ехали Каэл'тур и Морок. Дождь барабанил по их плащам, лошади ступали осторожно, выбирая дорогу среди луж и раскисшей грязи.

— Да-а, — протянул Каэл'тур, с шумом втягивая влажный воздух. Он повернул голову назад, туда, где за пеленой дождя ехали остальные, и снова уставился в спины впереди идущих. — Погода на южных территориях — та ещё. Вечно эти дожди. Ни тебе солнца, ни тебе просвета.

Морок молчал, глядя прямо перед собой. Капли стекали по его прозрачной маске, но он, казалось, не замечал их.

— Ты что, до сих пор на меня злишься? — Каэл'тур покопился на спутника, и в его голосе проскользнула усмешка. — Или никак не можешь обдумать план обучения драконицы? Всё прокручиваешь в голове, взвешиваешь?

Морок продолжал хранить молчание.

Каэл'тур вздохнул, поправил поводья и, помолчав, добавил уже без тени насмешки, тише, почти доверительно:

— Ладно. Молчи, если так легче. Но когда решишь, что пора говорить — я рядом.

Лошади мерно ступали по размокшей дороге, унося всадников всё дальше, туда, где сквозь дождь уже начинали проступать первые огни Акварии.

Дорога, размытая осенними дождями, превратилась в бесконечную ленту из грязи и луж, в которых отражалось свин-

цовое небо. Обоз растянулся на добрую версту, и каждый его участник по-своему боролся с капризами промозглой погоды.

Впереди, задавая неспешный темп, ехали верховые дозорные — Владимир и Владлина, чьи фигуры в капюшонах то появлялись, то исчезали за пеленой дождя, словно призраки. За ними, тяжело увязая колёсами в раскисшей земле, тащились крытые телеги с провизией и снаряжением. Возницы, закутанные в промасленные плащи до самых бровей, то и дело чертыхались, когда очередная лужа оказывалась глубже, чем казалась, или когда колесо находило особо коварный камень. Пар от дыхания людей и лошадей смешивался с холодным воздухом, создавая ощущение, будто весь обоз дышит одним усталым, протяжным выдохом.

Особняком держалась повозка, которой управлял старый боргун по имени Бругор. Его телега, крепкая, ладная, сбитая из тёмного, пропитанного смолой дерева, уверенно рассекала грязь, будто насмехаясь над бездорожьем. Колёса, окованные железом, не боялись камней, а сам боргун, укутанный в несколько слоёв шерсти и кожи, чувствовал себя если не уютно, то, по крайней мере, привычно к такой погоде. Из-под низко надвинутого капюшона торчала лишь густая рыжая борода, на кончиках которой поблёскивали капли дождя. Время от времени Бругор оборачивался и заглядывал внутрь повозки, где, закутавшись в тёплый плед, сидела Олюква. Она прижимала к себе баночку с орешками и

с любопытством смотрела в маленькое окошко, пытаясь разглядеть хоть что-то в этом сером, мокром мире.

— Ничего, девонька, — прогудел борнуг, заметив её взгляд. — Скоро Аквария. Там и обсохнем, и обогреемся. А пока — терпи. Осень, она такая: и поласкать может, и хлестануть по щекам мокрой веткой.

Олюква лишь кивнула, кутаясь плотнее. В фургоне было сухо и даже уютно благодаря маленькой печурке, которую Бругор протопил ещё на привале.

Гермес и Арес, казалось, не замечали непогоды вовсе. Для них этот дождь, эти лужи, эта хлюпающая под лапами грязь были не наказанием, а величайшим развлечением. Они носились вдоль обоза, обдавая брызгами зазевавшихся пехотинцев, за что тут же получали порцию добродушных проклятий.

— Ах вы ж, шельмецы! — кричал кто-то из возниц, вытирая лицо рукавом, но в голосе его слышалась улыбка.

Вот Гермес, обогнав телегу Бругора, на мгновение прижался носом к щели в дверце, будто проверяя, как там Олюква, и снова умчался вперёд, к голове обоза. Арес же предпочёл отстать, с лаем облаивая колёса, пока не получил от какого-то особо сурового возницы комком мокрой грязи прямо в бок. Отряхнувшись и возмущённо фыркнув, он рванул следом за братом, обгоняя повозку за повозкой, перепрыгивая через лужи, оставляя за собой шлейф из воды и осенних листьев.

А листья... Листья были повсюду. Они устилали размокшую дорогу плотным, мокрым ковром, в котором утопали колёса и лапы собак. Золото берёз мешалось с багрянцем клёнов и тёмной бронзой дубовых листьев. Когда порывы ветра, ещё не потерявшие своей силы, налетали на придорожные деревья, те сбрасывали с себя очередную порцию увядшей красоты, и листья кружились в последнем танце, прежде чем опуститься в грязь, чтобы уже никогда не подняться. Они липли к мокрым спинам лошадей, запутывались в гривах, приставали к колёсам и плащам, напоминая всем, что лето кончилось, и впереди — долгая, холодная зима.

Дождь, который с утра хлестал с остервенением разозлённой кошки, к полудню начал сдаваться. Сначала он просто стал тише, словно задумался — стоит ли продолжать. Потом крупные, тяжёлые капли сменились мелкой, противной моросью, которая висела в воздухе водяной пылью. А затем и вовсе редкие капли стали падать всё реже и реже, пока не прекратились совсем. Тучи, ещё недавно сплошной серой массой давившие на землю, начали медленно расползаться, обнажая клочки бледно-голубого, вымытого неба. В просветах робко проглянуло солнце — неяркое, осеннее, почти оранжевое. Оно не грело, но хотя бы радовало глаз, заставляя мокрые листья на мгновение вспыхнуть настоящим золотом.

Воздух стал чище, прозрачнее. Запахло прелой листвой, мокрой корой и той особенной, ни с чем не сравнимой све-

жестью, которая бывает только после долгого дождя, когда природа, умывшись, замирает в ожидании первого заморозка.

— О-хо-хо, — крикнул Бругор, высовывая нос из-под капюшона и принюхиваясь. — Миром запахло. Смотри-ка, Олюква, солнышко играет.

Олюква привсталала, натянула плед до ушей и подставила лицо к маленькому окошку под редкие, но такие ласковые теперь лучи. Вдалеке, за мокрыми полями и перелесками, уже угадывались очертания города.

Аквария приближалась — медленно, но неумолимо, как приближается рассвет после долгой ночи. Город проступал из серой дымки постепенно, словно проявление на старом холсте: сначала неясные очертания стен, потом — шпили башен, черепица которых блестела от недавнего дождя, отражая робкие солнечные лучи.

— Ого, — выдохнула Олюква, рассматривая через маленькое окошко, из которого дул холодный ветер. Плед сполз с одного плеча, она быстро поправила его, замороженно глядя на открывшееся зрелище. — Бругор, смотрите! Это оно? Это Аквария?

Боргун прищурился, вглядываясь вдаль из-под густых бровей. На его обветренном лице появилось подобие улыбки.

— Она самая, девонька. Аквария-красавица. Видишь вон те башни? — он махнул рукой в сторону города. — Это мая-

ки. Днём они просто стоят, а ночью зажигают огни, чтобы корабли в порт заходили. А вон там, левее, — это главный вход. От него улица ведёт напрямиком к большому базару. Столько всего диковинного можно закупить.

— А жемчуг там продают? — выпалила Олюква и тут же смутилась своей непосредственностью.

Бругор хрипло рассмеялся, и его смех раскатился над мокрой дорогой, спугнув стайку птиц, копошившихся в придорожных кустах.

— Продают, как не продавать. Только смотри за кошельком — разорят в два счёта. Акварианцы народ хитрый, торговый. Улыбаются тебе, а сами прикидывают, сколько с тебя можно содрать лишнего.

В этот момент мимо них, взметая фонтаны грязи из последней, особо глубокой лужи, промчались Гермес и Арес. Они неслись наперегонки, и было непонятно, кто из них сейчас лидирует. Гермес, более длинноногий, вырвался вперёд, но Арес, компенсируя недостаток скорости хитростью, внезапно вильнул в сторону и попытался подсесть брата плечом. Оба пса с громким тьяканьем покатались кубарем по мокрым листьям, подняв тучу брызг и прелой листвы.

— Ох, баловники, — покачал головой Бругор. — Всю дорогу мне своими игрищами глаза мозолят. Но молодцы, весело им. А это хорошо, когда кому-то весело в такую хмурь.

Олюква улыбнулась, наблюдая за собаками. Те, отряхнувшись (и заодно обрызгав проезжающую мимо телегу), сно-

ва пустились вскачь, теперь уже к голове обоза, где маячили фигуры Владимира и Владлины.

Всадники к этому времени уже придержали лошадей, ожидая, пока подтянется остальной обоз. Владлина поправила капюшон, глядя в приближающиеся стены.

— Красиво, — тихо сказала она, и в её голосе послышалось что-то похожее на благоговение. — Даже после дождя. А представляешь, как здесь солнечным днём?

Владимир, прищурившись, окинул взглядом открывающуюся панораму. Город действительно был прекрасен. Даже издали было видно, как продуманно он выстроен: мощные стены из светлого камня, уходящие прямо в воду, широкие каналы, врезающиеся в городскую черту, мосты, перекинутые через них, словно каменные кружева. А над всем этим великолепием возвышались те самые башни-маяки, увенчанные огромными чашами, в которых, должно быть, разводили огонь по ночам.

— Красиво, — согласился он, но тут же добавил с привычной усмешкой: — Жаль только, что мы не на экскурсию приехали. А по делу.

Владлина толкнула брата локтем, но беззлобно, скорее для порядка.

— Ну и что? Дело делом, а посмотреть на красоту человеческую никому не запрещено.

Сзади послышался приближающийся стук копыт и тяжёлое дыхание собак. Гермес и Арес, наконец добежав до го-

ловы отряда, с разбегу принялись носиться вокруг лошадей, заставляя их беспокойно перебирать ногами.

— Тихо, тихо, — осадил коня Владимир. — Нашли время для игрищ.

Но собаки, казалось, не слушали никаких уговоров. Они чувствовали приближение чего-то нового, неизведанного, и их возбуждение передавалось даже самым хмурым возницам.

Колёса телег скрипели, лошади фыркали, собаки лаяли, люди переговаривались — и весь этот шум, вся эта разногласица жизни врезалась в тишину уходящей осени, разрывая её на тысячи осколков. Обоз, словно огромный, неуклюжий, но живой организм, подползал всё ближе к городу.

— Внимание, — голос Каэл'тура, усиленный магией или просто привычкой командовать, прокатился над обозом. — Заранее подготовленный лагерь должен быть рядом. Слушайте внимательно обстановку. Держимся вместе.

— Скоро будем, — повторил кто-то в обозе, и эти слова понеслись дальше, от телеги к телеге, от всадника к всаднику, как эстафета надежды.

— Ар, а, ар!

Звук разорвал лёгкие шорохи и тишину сырого воздуха, резкий, гортанный, похожий на крик хищной птицы, но с непривычными, чужими нотками. Каэл'тур и Владимир, ехавшие в голове обоза, одновременно дёрнулись, насторо-

жившись. Владимир, не оборачиваясь, вскинул сжатый кулак над головой — условный знак, понятный каждому в дружине.

Другие кулаки взметнулись вдоль обоза — дозорные передавали команду дальше, каждый отвечал за свой участок. Люди замерли, вглядываясь в мокрые кусты, в перелески, в подёрнутые дымкой поля. Никто не шевелился. Даже собаки, почувствовав напряжение, застыли на месте, лишь уши их настороженно вращались, ловя каждый звук.

Владимир и Каэл'тур медленно поворачивали головы, сканируя местность. Дорога здесь делала плавный изгиб, огибая небольшой холм, поросший кустарником. Справа тянулось поле с остатками неубранной капусты, слева — редкий лесок, мокрый и поникший. И вдруг...

Тень мелькнула сверху. Стремительная, почти неуловимая. Кто-то, скрывавшийся в ветвях старого дуба, нависавшего над дорогой, бесшумно сорвался вниз и приземлился ровно перед всадниками. Тяжёлый шлепок — и фигура в тёмном, мокром плаще замерла на миг, присев на одно колено, утопая в грязи и листве.

Лошади всхрапнули, попятились, но Владимир и Каэл'тур удержали их, не сводя глаз с незнакомки. А в том, что это женщина, сомнений не осталось, когда она медленно, с изяществом дикой кошки, поднялась с колен. Высокая. Очень высокая. Может, выше Эльдаров. Тонкая, гибкая, словно тростинка, но в этой худобе чувствовалась не хрупкость, а

стальная, пружинистая сила.

Она подняла голову. Лицо скрывала плотная ткань — обтягивающий платок, оставляющий открытыми только глаза. И эти глаза... Острые, раскосые, с приподнятыми к вискам уголками, они смотрели на всадников с холодным спокойствием и в то же время с каким-то внутренним, глубоко запрятым огнём.

— О, Моризента! — голос Каэл'тура прозвучал с такой неподдельной, почти мальчишеской радостью, что Владимир удивлённо покосился на него. Всё напряжение, все ожидания опасности мгновенно схлынули с его лица, уступив место спокойствию.

Девушка-эльфийка медленно, с церемонной грацией, опустила платок, открывая лицо. Оно было прекрасным той особенной, острой красотой, которая свойственна Кхзадам: точеные скулы, тонкий нос с горбинкой, чуть заострённые уши, выглядывающие из-под светлых, влажных волос, собранных в сложную косу. Кожа её казалась фарфоровой на фоне серого, унылого пейзажа.

— Мой Лорд, — произнесла она, и голос её оказался низким, грудным, с едва уловимым певучим акцентом. Она склонилась в поклоне — не женском, с приседанием, а в том глубоком, уважительном поклоне, которым мужчины приветствуют старших по званию. — Мы ждали вас все эти дни. Идёмте за мной. К лагерю, мой Лорд.

Каэл'тур кивнул, всё ещё улыбаясь, и обернулся к Влади-

миру:

— Знакомься, Мориэнта. Моя правая рука... ну, или левая, смотря по обстоятельствам. Мы знакомы с давних времён. — Он снова перевёл взгляд на эльфийку. — Мориэнта, как ситуация в городе? Морнэмир отправлял отчёты, но в них много пробелов.

Эльфийка сделала несколько шагов вперёд, жестом приглашая следовать за ней.

— Ситуация изменилась, мой Лорд. В городе беспокойно. Акварианцы насторожены с чужеземцами. Мало что говорят. — Она повела рукой в сторону, куда-то в обход основной дороги. — Я проведу. Дорога скрытая, никто не заметит.

Каэл'тур на мгновение задумался, поглаживая подбородок, затем решительно кивнул:

— Веди.

Мориэнта вновь склонила голову, ловко, без единого всплеска, перешагнула через лужу и направилась в сторону, противоположную главной дороге к городу. Её шаги были бесшумны, плащ почти не шелестел, и казалось, что она не идёт по грязи, а парит над ней.

Владимир подал знак обозу. Кулак взметнулся вновь, на этот раз описывая круг — сигнал следовать за ведущим. Обоз, скрипнув, тронулся с места, сворачивая с наезженной дороги на едва заметную тропу, убегаящую в мокрый, поседевший лес.

Проехав ещё с полчаса по едва заметной тропе, обоз углубился в лес, где сырость и промозглость осени чувствовались иначе — здесь пахло прелой хвоей, мхом и грибами. Деревья смыкали кроны над головой, создавая живой полог, сквозь который редкие капли всё ещё падали на путников, но уже не так настойчиво, как на открытой местности.

Мориэнта шла впереди, и её движения завораживали своей текучестью. Она не просто ступала по земле — она читала её, чувствовала каждый камень, каждую корягу, обходя их с безошибочной грацией горной кошки. Для неё, рождённой в высокогорьях, где воздух разрежен, а ветра пронизывают до костей, эта осенняя слякоть была не более чем лёгким неудобством. Холод, от которого кутались люди, для Мориэнты был привычным спутником жизни. Её плащ, хоть и мокрый снаружи, скрывал под собой тёплую, но лёгкую одежду из горного меха, не стесняющую движений, но надёжно хранящую тепло.

Каэл'тур ехал сразу за ней, не сводя с кхзадки задумчивого взгляда. Они были знакомы так давно, что он уже и не помнил того дня, когда впервые встретил эту остроглазую женщину с лицом, выточенным из горного хрусталя. Сколько повидали, сколько опасностей они разделили на двоих — и всё же для большинства его людей Мориэнта оставалась загадкой. Никто не знал, кто её род, какие тайны хранит её молчаливая душа. Каэл'тур знал, но молчал. Это было не его тайной, чтобы делить её с другими.

— Последнее время на морских берегах стали происходить нападения, — голос Мориэнты звучал приглушённо, но чётко, разносясь в сыром воздухе. Она говорила, не оборачиваясь, но каждое слово долетало до слушателей, будто ветер специально доносил их до ушей. — От морских тварей. Многие думали, что это акулы или ещё кто-то из крупных хищников. Рыбаки боятся выходить в море, торговые суда нанимали охрану, но нападения продолжались.

Владымир с Каэл'туром переглянулись. В их взглядах читалось одинаковое напряжение — морские твари были опасны, но не настолько, чтобы парализовать жизнь целого приморского города. Здесь крылось что-то иное.

— Но недавно, — Мориэнта слегка повернула голову, и её острый глаз блеснул из-под капюшона, — один из рыбаков выжил. Он доплыл до берега, с ранениями, с перепуганными глазами. Он рассказал, что успел увидеть перед тем, как сойти с ума.

Она продолжала идти, провожая обоз. Тишина повисла в лесу такая плотная, что было слышно, как падают капли с намокших веток. Мориэнта медленно, с глубокой тревогой сказала:

— Морские девы¹⁷. — Голос эльфийки упал до шёпота, но этот шёпот услышали все.

Владымир нахмурился, переглянувшись с сестрой, которая подъехала ближе, услышав разговор.

¹⁷ русалки

Каэл'тур сильнее сжал поводья, и его лицо стало жёстче, словно высеченное из камня.

— Морские девы, — повторил он задумчиво. — Не нападают на людей просто так. Они всегда держались подальше от берегов.

Мориэнта пожала плечом — изящное, едва уловимое движение.

— Акварианцы в панике. Торговля замерла, рыбаки отказываются выходить в море, порт почти опустел. Городские старейшины собирают совет, но пока без толку. Одни хотят нанять охотников на нечисть, другие — отправить послов к девам с предложением мира. Третьи... — она помедлила, — третьи шепчутся, что это кара Багисерцев за грехи человеческие.

— Чушь, — отрезал Каэл'тур, и в его голосе прозвучала сталь. — Багисерцы давно их покинули, а они как идиоты продолжают верить в них.

Он обернулся к обозу, к своим людям, которые шли за ним.

— Усилить бдительность. Морок, — окликнул он молчаливого спутника, — усиль барьер вокруг лагеря, когда доберёмся. Владимир, проследи, чтобы повозки поставили кругом, как в старой доброй традиции. Женщин — в центр лагеря. Ночью выставляем двойные караулы.

Приказ разлетелся по движущемуся обозу. Колёса скрипели по мокрой земле, лошади всхрапывали, чувствуя на-

пряжение седоков. Мориэнта шла впереди широкими шагами, чуть отдалившись, и Каэл'тур, пришпорив коня, поравнялся с ней.

— Ты сама-то что думаешь? — тихо спросил он, чтобы никто не слышал. — Ты знаешь море лучше многих.

Мориэнта молчала долго, так долго, что Каэл'тур уже решил, что не дожждётся ответа. Но наконец она заговорила, и в её голосе послышались нотки, которых он раньше не слышал — нотки сомнения.

— Я не знаю, Каэл'тур... — она прижала руку к груди, туда, где под одеждой билось её сердце. — Я что-то чувствую... очень опасное. Такое, чего уже тысячу лет не должно быть в этих водах.

Каэл'тур нахмурился.

— Древняя магия?

Мориэнта покачала головой, и капли с её капюшона брызнули в стороны.

— Пока не уверена, я ничего не скажу. Но будь готов ко всему.

Она ускорила шаг, уходя вперёд, оставляя Каэл'тура наедине с его мыслями.

Лес расступился внезапно, словно нехотя, открывая взгляду пустошь, изрытую старыми разработками. Старая каменоломня встретила путников тишиной и запахом сырого камня. Серые, поросшие мхом скалы вздымались неров-

ными стенами, а внизу, в естественной котловине, виднелись следы недавнего пребывания — аккуратно сложенные поленицы дров, несколько палаток, затухший костёр.

Мориэнта остановилась у невидимой глазу границы, подняв руку. Обоз замер за её спиной.

— Дальше не ходите, — предупредила она. — Здесь поставлен барьер. Сейчас я его открою.

Она шагнула вперёд, и воздух перед ней задрожал, словно нагретый летним солнцем, хотя вокруг стояла осенняя стылость. Кхзадка вытянула руку, и на её ладони вспыхнуло бледное свечение. Она что-то прошептала — слова на древнем наречии, которого никто из присутствующих не понял, — и дрожь усилилась, превратившись в едва заметное марево, а затем и вовсе расступилась, открывая проход.

— Заезжайте. Быстро, — скомандовала Мориэнта. — Барьер долго держать открытым нельзя.

Первые телеги нырнули в проход, и Олюква, высунувшая нос из повозки, почувствовала странное покалывание на коже, когда пересекала невидимую грань. Мгновение — и воздух стал другим. Теплее. Суше. Исчез пронизывающий ветер, исчезла промозглая сырость, будто их накрыло невидимым тёплым куполом.

— Ого, — выдохнула она, оглядываясь. — А как это работает?

Бругор, правивший повозкой, хмыкнул:

— Магия, девонька. Эльфийская работа. Держит тепло,

не пропускает лишний шум, а главное — скрывает от чужих глаз. Снаружи эта каменоломня кажется пустой и заброшенной. А внутри — вон оно как.

Действительно, внутри барьера кипела жизнь. Когда последняя повозка въехала в котловину, Мориэнта опустила руку, и марево позади сомкнулось, вновь становясь невидимым. Из-под навесов уже выбегали люди — те, кто прибыл раньше и успел обустроиться. Они помогали распрягать лошадей, разгружать телеги, указывали места для палаток и повозок.

Каэл'тур спрыгнул с коня и подошёл к Морнэмиру, который стоял чуть поодаль, наблюдая за прибывшими.

— Хорошее место, — одобрительно кивнул он. — Давно его обустроили?

— Три дня назад, — ответил эльф с поклоном, встречая Каэл'тура. — Как только получили твою весточку, я выслал вперёд разведчиков. Они нашли эту каменоломню и подготовили всё необходимое. Барьер поставили вчера, когда поняли, что в городе неспокойно.

— Молодцы, — Каэл'тур положил руку ему на плечо, и в этом жесте чувствовалась давняя привычка. — Распорядись, чтобы всех накормили горячим. Люди промёрзли за дорогу вместе с сильванцами.

Морнэмир кивнул и бесшумно скользнул к походной кухне, где уже разводили огонь под большим котлом.

Владымир и Владлина спешили, разминая затёкшие но-

ги. Владлина с любопытством оглядывалась по сторонам, отмечая продуманность лагеря: повозки уже ставили в круг, как приказал Каэл'тур, в центре горело несколько костров, давая тепло и свет, а по периметру, у самого барьера, стояли часовые, всматривающиеся в мутную пелену за границей купола.

— Хорошо тут, — заметила Владлина. — Тепло, сухо. Даже не верится, что снаружи дождь и слякоть.

Олюкву тем временем Бругор аккуратно снял с повозки и поставил на утрамбованную землю. Она поёжилась — не от холода, а от непривычки к твёрдой почве после долгой тряски в фургоне. Гермес и Арес, вбежавшие в лагерь следом, тут же принялись обнюхивать каждый угол, знакомиться с новыми запахами.

— Олюква, иди к костру, — позвала Владлина, заметив растерянность сивланки. — Согреешься, поешь горячего. Мы тут все свои, не бойся.

Олюква благодарно кивнула и направилась к ближайшему костру, где уже хлопотали двое мужчин, помешивая в котле что-то ароматное. Пахло так вкусно, что у неё свело скулы.

Каэл'тур, убедившись, что размещение идёт по плану, собрал вокруг себя командиров: Владимира, Морнэмира и подошедшего Морока, который наконец вышел из своего оцепенения и теперь внимательно слушал.

— Итак, — начал Каэл'тур, понизив голос. — Мориэнта уже рассказала о нападениях в городе. Для нас это не входит

ло в план. Надо сначала разобраться с девами, а потом действовать. Что нам известно о городе?

Морнэмир принес карту плана города, обвёл взглядом собравшихся, задержался на Мороке, словно оценивая его готовность, и заговорил:

— Начну с главного. — Он положил карту на импровизированный стол из ящичков и развернул её. — Аквария обнесена очень широкими и плотными каменными стенами. Пробраться сквозь них будет непросто. Взобраться есть возможность, но проблема будет с часовыми, которые носят луки и стрелы. Между башнями расположены корзины с запасами стрел, словно они всегда готовы к осаде. Кроме этого, все городские улицы вымощены камнем, а на некоторых из них для посторонних глаз скрыты руны-взрыватели. — Он указал на данные руны на карте. — Кроме этого, в некоторых улицах и центре города есть решётки, под ними — канализация. — Он показал на кружки. — Это их входы. Чтобы войти, надо сверху схватить за кольца и потянуть. Они очень тяжёлые, мы проверили. Кроме этого, есть проход в Лазурный лес, постоянно открытый. В основном через него проходит поставка из леса. Переплыть через озеро опасно. На этих и этих башнях, — он показал на ближайшие башни к озеру, — есть маяки и постоянные часовые. Перебираться на лодках — идея отпадает, добираться вплавь очень долго. Если как-то вести войско, то надо часть наших оставить в городе к данному дню или воспользоваться канализацией.

Все слушали доклад, внимательно рассматривая каждую чётточку и значок как следует. Владимир положил палец в сторону моря:

— А если спрятаться у берегов?

— Есть такая возможность, но по ночам бродят сторожевые, если с моря кто-то нападёт, и так же маяки светят. — ответил Морнэмир. — Я послал одного из своих разведчиков к побережью. Он видел несколько дорожек по этому берегу, сделанных из камня. Когда вода опускалась, проглядывали решётки, возможно связанные с канализацией.

Тишина повисла над картой, нарушаемая лишь потрескиванием дров от ближайшего костра.

— Значит, — медленно проговорил Каэл'тур, — город оснащён от нападений. Словно готовились для нас столько лет. — Он сложил руки на груди, рассматривая карту. — Надо будет отправить в город других разведчиков из прибывшей группы, чтобы они рассмотрели данные люки в канализацию. Может, успеем по берегу прогуляться, чтобы узнать, на какой высоте решётки. Может, получится проплыть.

— Нет шансов, — поднял взгляд Морнэмир. — Чтобы доплыть до данного берега, надо быть очень глубоко под водой и придётся долго добираться вплавь. Волны бьют очень сильно.

Владимир тоже сложил руки на груди.

— Должна быть лазейка, чтобы попасть туда. — Он внимательно рассматривал карту.

— Сначала — разведка. Утром каждый из нас и других групп пойдёт в город выполнять данные указания. Нужно узнать, из чего и как сделаны люки, сколько их и точное место, где они расположены, чтобы во время осады всё прошло тихо. Рассмотрим данный берег хоть как-нибудь. Всё поняли?

Командиры закивали, принимая приказы.

— А что с главной целью города? — спросила Владлина, подошедшая к командирам и услышавшая часть разговора. — Мы же пришли за механизмами, за идеями. Если мы атакуем город, разве не потеряем часть таких потенциальных кадров?

Каэл'тур задумчиво посмотрел на мерцающую границу барьера, за которой угадывался серый, мокрый лес.

— Завтра присмотримся к таким, — сказал он твёрдо. — А потом будет нападение. И в придачу золото в дружину. — усмехнулся Каэл'тур, и остальные поддержали его.

Олюква, сидевшая у костра и гревшая руки над огнём, слушала этот разговор краем уха. Сердце её колотилось где-то у горла. Завоевание целого города, и такого сложного...

— Не бойся, девонька, — прогудел над ухом Бругор, подсевший рядом с огромной кружкой дымящегося отвара. — Мы тут все бывалые. И Каэл'тур не из тех, кто проигрывает. Прорвёмся.

Олюква подняла на боргуна благодарные глаза и кивнула. За спиной, за барьером, оставалась промозглая осень с её

дождями и холодом. Впереди — неизвестность, от которой захватывало дух. А здесь, у костра, в кругу этих странных, разных, но таких живых людей, ей вдруг стало тепло и почти спокойно.

Пока обоз размещался, а люди разводили костры и ставили палатки, Каэл'тур незаметно отлучился в сторону одного из навесов, где уже который час горел яркий свет магических светильников. Там расположились те, кто прибыл раньше — мастера и ремесленники, которых Морнэмир привёл сюда заранее. Среди них были ткачи, кожевенники и, что важнее всего, портнихи.

— Герда! — окликнул Каэл'тур низкорослую коренастую фигуру, склонившуюся над раскроенной тканью. — Есть разговор.

Боргунха подняла голову, и её цепкие, умные глаза уставились на командира. Герда была известна во всём обозе своим мастерством — и своим суровым нравом. Никто не смел перечить ей, когда речь заходила о шитье.

— Чего тебе, Каэл'тур? — проворчала она, но в её голосе слышалось уважение. — Если опять с дырявыми штанами пришёл, так я тебе в прошлый раз говорила — бережнее надо быть, а не по кустам лазить.

Каэл'тур усмехнулся, но тут же посерьёзnel:

— Не о моих штанах речь, Герда. О сильванцах. У нас в обозе двадцать четыре мужчины-сильванца и девушка. Моя

леди. Им нужна тёплая одежда. Справишься?

Герда прищурилась, оценивающе оглядывая командира.

— Сильванцы, говоришь? — она хмыкнула. — Лесной народ. Крепкая кость, длинные руки, кожа нежная. Обычная одежда на них болтаться будет как на огороде пугало. Тут снимать мерки надо, и очень тщательно. А они согласны?

— Согласны, — кивнул Каэл'тур. — Им самим холодно в их тряпках.

Герда отложила ткань и решительно направилась к выходу из-под навеса:

— Веди. Посмотрим на твоих лесных гостей.

Мужчины-сильванцы, худощавые, с осторожными движениями лесных зверей, уже ждали у костра. Они заметно нервничали, когда Герда бесцеремонно ошупала их плечи, спины, измерила длину рук какими-то лоскутками ткани, прикладывая и помечая угольком. Но спорить не смели — холод давал о себе знать, а доверие к Каэл'туру перевешивало страх перед чужими людьми.

— Ну, эти ладно, — буркнула Герда, закончив с мужчинами. — С ними просто. А где девушка?

— Олюква, подойди, пожалуйста, — позвал Каэл'тур.

Олюква, сидевшая у костра и гревшая руки, вздрогнула. Сердце её ухнуло куда-то вниз. Она медленно поднялась и, словно приговорённая, подошла к суровой боргунхе.

Герда окинула её острым взглядом с головы до ног. Олюква поёжилась под этим взглядом, чувствуя себя букашкой

под увеличительным стеклом.

— Хороша, — неожиданно мягко сказала Герда. — Тонкая работа. Такую фигуру одеть надо с умом, чтобы и тепло, и красиво, и статус виден. Пойдём, девочка, под навес. Там разденемся, мерки снимем как положено.

— Р-разденемся? — голос Олюквы дрогнул.

— А ты как думала? — Герда упёрла руки в боки. — Я тебе одежду на глаз шить буду? Чтобы потом рукава до пола висели или в плечах жали? Не бойсь, там бабы только наши. Никто не увидит, не засмеёт. Пошли.

Олюква бросила отчаянный взгляд на Каэл'тура, но тот лишь ободряюще кивнул. Делать нечего. Она поплелась за Гердой под навес, чувствуя, как щёки заливают краска стыда.

Под навесом её уже ждали две женщины — человечка и эльфийка, обе с сантиметровыми лентами на шеях и полными сосредоточенности лицами. В углу стояла ширма, за которой Олюкве предложили раздеться.

— Туда иди, раздевайся, — сказала Герда, указывая на ширму. — Скажи, как готова будешь.

Спрятавшись за ширмой, Олюква стала расстёгивать пуговицы на выданной человеческой одежде, казавшейся ей сложной из-за трясущихся пальцев. Она слышала за спиной негромкий разговор женщин, их деловые интонации, и это немного успокаивало — они не смеялись, не перешёптывались, просто работали.

Скинув последнюю вещь, Олюква быстро прикрыла грудь

ладонями, словно это была её единственная защита.

— Я готова, — сказала она, и голос её прозвучал жалобно даже для неё самой.

Женщины вошли за ширму, подошли к ней с двух сторон. Олюква зажмурилась, когда прохладные руки коснулись её плеча.

— Стоять ровно, девочка, — скомандовала Герда. — Дышать ровно. Это не больно и не страшно. Просто работа.

И работа началась. Ленты сантиметров обвивали её талию, грудь, бёдра. Женщины переговаривались между собой, записывая цифры на бумажку, советовались, сколько прибавить на швы, какой материал взять для подкладки, каким цветом отделать ворот. Олюква стояла, как статуя, стараясь не дышать и не шевелиться. Ей было холодно, стыдно и неудобно, но где-то глубоко внутри теплилась благодарность к этим женщинам, которые относились к ней не как к диковинке.

Наконец, когда ей показалось, что прошла вечность, Герда удовлетворённо крякнула и отошла, разглядывая исписанный листок.

— Готово. Одевайся, девочка. Завтра к вечеру получишь первое платье, а утром — обычную комфортную одежду, сшитую под тебя. Чтоб тепло было, пока ожидаешь.

Олюква чуть не расплакалась от облегчения. Она принялась натягивать свою старую одежду с такой скоростью, словно за ней гнались. Пальцы всё ещё дрожали, но теперь уже

не от холода, а от пережитого волнения.

Когда она вышла из-за ширмы, запыхавшаяся, раскрасневшаяся, но полностью одетая, Герда уже обсуждала с Каэл'туром детали будущих нарядов. Герда размахивала руками, тыкала в свои записи, спорила о качестве ткани и фасоне. Каэл'тур слушал, кивал и согласно мычал, хотя было понятно, что в портняжном деле он понимает не больше Олюквы.

— Завтра к утру будет готово, — подвела итог Герда. — И не забудь про оплату, командир. Мои девки не за спасибо работают.

— Всё будет, — заверил Каэл'тур и, заметив Олюкву, расплылся в тёплой улыбке.

Он подошёл к ней, положил руки на плечи и, прежде чем она успела что-то сказать, нежно поцеловал в лоб. Олюква замерла, чувствуя, как тепло разливается от места поцелуя по всему телу. Затем он поцеловал её в щёку — легко, по-отечески, но с такой заботой, что у неё защипало в глазах.

— Умница, — сказал он тихо. — Я знаю, как тебе было непросто. Но ты справилась. Завтра тебе подготовят первую тёплую одежду, и тогда... — он хитро прищурился, — тогда мы можем завтра пойти в город погулять. Хочешь?

Она подняла на него глаза, в которых ещё блестели остатки смущения, но уже разгоралось любопытство.

— Правда? — выдохнула она. — Я... я пойду с тобой?

— Конечно, — кивнул Каэл'тур. — Ты теперь под моим покровительством, и одежда у тебя будет соответствующая.

Олюква часто-часто закивала, боясь, что если откроет рот, то скажет какую-нибудь глупость или вообще разревется от счастья.

— Вот и ладно, — Каэл'тур потрепал её по плечу. — А сейчас иди к палатке, грейся. Завтра трудный день.

Она послушно побрела к палатке, на которую указал Каэл'тур, но на полпути обернулась. Каэл'тур уже разговаривал с Гердой, но, словно почувствовав её взгляд, поднял голову и подмигнул. Олюква улыбнулась в ответ и побежала к палатке, где её уже ждали Гермес и Арес и кровать.

На следующее утро лагерь проснулся рано — с первыми лучами солнца, которое наконец-то выглянуло из-за туч, словно проверяя, как тут поживают путники. Воздух внутри барьера был свежим, но не холодным, магия эльфов делала своё дело, сохраняя тепло и уют даже в промозглую осень.

Владлина продрала глаза с явным трудом. Спать хотелось невероятно — вчерашнее путешествие и разговоры вымотали её сильнее, чем она думала. Но мысль о прогулке по Акваририи гнала прочь остатки сна. Она представляла себе городские улочки, лавки с безделушками, может быть, даже тот самый жемчуг, о котором они говорили с братом. Надо только собраться побыстрее, пока Владимир не ушёл без неё.

Она быстро натянула коричневые штаны — обтягивающие внизу, но свободные в бёдрах, чтобы не стесняли движений. Сверху — чёрная рубаха из мягкой ткани, которую

она любила за удобство. Осталось только жилетку надеть, и можно...

— Твою же ж!

Владлина замерла, замерев с жилеткой в руках. У входа в её палатку, заслоняя утренний свет, возвышалась знакомая фигура. Морок. В своей неизменной непроницаемой маске, скрывающей лицо, с чёрным вороном на плече, который буравил её маленькими бусинками глаз.

— Кар. Хорошо, что. Кар. одета. Кар. — прокаркал ворон, и Владлина машинально заткнула одно ухо, спасаясь от этого резкого, режущего слух звука. — Кар. Пора начинать урок. Кар.

— Что?! — выдохнула Владлина, чувствуя, как внутри закипает возмущение. — Ты издеваешься?! У меня пла...

Она не договорила. Морок медленно поднял ладони, и этот жест оказался красноречивее любых слов. Владлина отшатнулась, инстинктивно делая шаг назад, но упёрлась спиной в центральный столб палатки. Сердце заколотилось где-то в горле.

— Нет, ты не посмеешь... — голос её дрогнул, выдавая страх. Она следила за его руками, как кролик за удавом, понимая, что это за инструмент, и не желая снова через это проходить.

— Кар. Выдели время. Кар. Чтобы понять. Кар. Потенциал. Кар. — настойчиво повторил ворон, словно переводя мысли хозяина.

Морок опустил одну ладонь, а вторую протянул к ней — не угрожающе, а скорее приглашающе. Ладонь была открыта, словно он предлагал ей просто положить свою руку в его. Но этот жест почему-то напугал Владлину ещё сильнее, чем если бы он угрожал. Это было слишком... доверительно. Слишком близко.

Она выскочила из палатки, едва не сбив Морока с ног. Ткань захлопнулась за спиной, и Владлина глубоко вдохнула, пытаясь унять дрожь.

— Давай скорее закончим! — выпалила она скороговоркой, не глядя на него. — Быстро. Прямо сейчас. И чтобы без фокусов!

Морок опустил руку и молча пошёл за ней, как тень, как приговор, от которого не убежать. Ворон на его плече довольно каркнул и переступил с лапы на лапу.

Владлина, стараясь не думать о том, что её ждёт, зашагала к окраине лагеря, подальше от любопытных глаз. Она чувствовала спиной его взгляд — тяжёлый, изучающий. И понимала: этот урок пережить придётся. Ради того, чтобы потом спокойно гулять по городу, рассматривать безделушки и искать жемчуг. Ради этого можно и потерпеть.

— Кар. Ты не туда. Кар. Идешь. Кар.

Ворон каркнул прямо над ухом, и Владлина дёрнулась так, словно её ужалили. Она уже ненавидела эту птицу — и её хозяина заодно. Лицо её скривилось в гримасе отвращения и нежелания, когда она поняла, что они идут совсем не в ту

сторону, куда она рассчитывала.

— Кар. Это недалеко. Кар. — успокоил ворон, но его карканье действовало на нервы почище скрежета металла.

Владлина резко развернулась, готовая высказать всё, что она думает об этом дурацком уроке, об этом дурацком месте и об этом дурацком вороне. Но слова застряли в горле, когда она увидела Морока. Он стоял неподвижно, как каменное изваяние, и его ладонь была протянута в сторону, указывая направление. Жест был спокойным, даже вежливым, но от этого почему-то становилось только хуже. Владлине захотелось сбежать прямо сейчас, бросить всё и рвануть в город, к брату, без этих жутких уроков с этим Мороком.

Но она не сбежала. Потому что догадывалась, что будут применены иные меры. Протяжно вздохнув, она пошла в указанном направлении.

Место и правда оказалось недалеко от лагеря — небольшая поляна, окружённая валунами, оставшимися от старых разработок. Здесь барьер был тоньше, чувствовалось лёгкое дуновение осеннего ветра, но магия всё ещё держала тепло. Морок остановился ровно в пяти шагах от неё и развернулся лицом. Даже через маску Владлина чувствовала его взгляд — тяжёлый, пронзительный, словно он видел её насквозь.

— Кар. Сформируем несколько. Кар. Шаров. Кар. — начал ворон, переступая с лапы на лапу. — Один пустой. Кар. Потом. Кар. Кря-кря. Кар. Внутри с магией. Кар.

Ворон наклонил голову и издал звук, отдалённо напоминающий покашливание — видимо, прочищал горло перед следующим карканьем.

Владлина тяжело вздохнула. Надо просто сделать это и закончить с этим поскорее. Она вытянула руки вперёд, сосредоточилась и начала формировать магический шар. Воздух перед её ладонями задрожал, сгустился, и через несколько секунд в воздухе повисла прозрачная сфера — пустая, как и просили, лишь слегка переливающаяся на утреннем свете.

Морок поднял ладонь и направил её в сторону шара. В тот же миг Владлина почувствовала чужую магию — холодную, тягучую, она обволокла её сферу и начала давить, сжимать, пытаться раздавить, лопнуть, уничтожить.

Лицо её оставалось спокойным, даже расслабленным, но пальцы... пальцы зажили своей жизнью. Они шевелились, перебирали, словно плели невидимое кружево, словно играли с тончайшими нитями. Она не думала о том, что делает — тело само знало, как удержать шар, как распределить давление, как не дать чужой магии взять верх.

Шар пульсировал, то сжимаясь, то расширяясь, но держался. Не лопался.

Морок усилил натиск. Владлина почувствовала, как пот выступает на лбу, как мышцы рук начинают подрагивать от напряжения. Но пальцы продолжали своё таинственное движение, и шар... шар не сдавался.

Ворон на плече Морока склонил голову набок, вниматель-

но наблюдая за происходящим, и тихонько каркнул — то ли одобрительно, то ли удивлённо. Сложно было понять эту птицу.

Морок опустил ладонь. Давление исчезло. Шар, оставшись без противодействия, ещё мгновение повисел в воздухе, а потом тихо рассеялся, не оставив и следа.

Тишина повисла над поляной. Владлина опустила руки, чувствуя, как они дрожат от напряжения.

Морок молча смотрел на неё. Даже через маску было понятно — он что-то оценивает, что-то взвешивает в своём безмолвном, непроницаемом сознании.

Ворон кашлянул ещё раз и прокаркал:

— Кар. Неплохо. Кар. Для начала. Кар. Продолжим. Кар.

Ворон каркнул, и Владлина выдохнула с облегчением. Почти закончили. Ещё чуть-чуть, и она сможет уйти, собраться и наконец-то отправиться в город, о котором мечтала всю дорогу.

Но вместо того чтобы опустить руки, она снова подняла их. Без команды, без просьбы. Просто пальцы зачесались, зажали своей жизнью, требуя продолжения.

Перед ней снова возник шар. Только теперь внутри него, в самой глубине, зажглось что-то. Крошечная искра, похожая на уголёк, тлеющий в золе костра. Искра росла, разгоралась, превращаясь в маленькую звезду — неровную, пульсирующую бледно-голубым светом.

Владлина не думала, что делает. Руки сами водили вокруг

шара, пальцы танцевали в воздухе, и шар послушно рос, менялся, подчиняясь этому безмолвному танцу. Звезда внутри него тоже менялась — сначала она была просто точкой, потом расправила лучи, превращаясь в настоящий кристалл с острыми гранями. Свечение от шара было неярким, приглушённым, но завораживающим — казалось, внутри пульсирует живое сердце.

И вдруг — резко, без предупреждения — из шара вырвались острые концы. Как у звезды. Как у боевого сюрικена. Шар больше не был просто сферой — он стал чем-то иным, опасным, готовым защищаться или нападать.

Владлина скорее ощутила, чем увидела. Чужая магия снова поползла к её творению, пытаясь обвить, изменить, подчинить. Но на этот раз Морок не атаковал — он пытался трансформировать. Превратить её звезду во что-то другое, перекрыть, наложить свой отпечаток.

— Нет, — выдохнула Владлина сквозь зубы.

Она стиснула челюсти так, что скулы заныли. Пот выступил на лбу новой волной, стекая по вискам. Она боролась. Боролась изо всех сил, чтобы сохранить свой шар, свою звезду, своё творение. Чтобы чужая воля не исказила то, что родилось из её пальцев.

Но давление было слишком сильным. Шар дрогнул, сжался, лучи звезды втянулись обратно, и через мгновение на месте прекрасного творения остался лишь сгусток тумана — бесформенный, голубоватый, исчезнувший в воздухе.

Морок поднял ладонь — жест, останавливающий всё. Довольно.

Владлина сжала губы в тонкую линию. Глаза её сузились, и она подняла голову, вперив взгляд в чёрную бездну его маски. В отражении, в этом тёмном стекле, она увидела себя — раскрасневшуюся, потную, с бешено горящими глазами.

— Что дальше? — спросила она. Голос прозвучал хрипло, но твёрдо.

Морок не ответил. Медленно, очень медленно он опустил руку и скрестил их на груди — жест, который мог означать что угодно: от одобрения до разочарования. Тишина затягивалась, становилась невыносимой, звенящей.

А потом перед лицом Владлины возник шар.

Он появился из ниоткуда — просто материализовался в воздухе, размером с её ладонь. Чёрный. Не просто тёмный, а абсолютно, непроницаемо чёрный, как сама бездна. И вокруг этой черноты пульсировало свечение — зелёное, болезненное, ядовитое, как свет гнилушек в болоте.

— Кар. Сделай теперь то же самое. Кар. — каркнул ворон, и в его голосе послышалось почти злорадство. — С моим. Кар.

Владлина смотрела на чёрный шар и чувствовала, как от него веет холодом. Чужеродным. Опасным.

Она подняла руки. Пальцы дрогнули, но не от страха — от предвкушения.

— Ладно, — выдохнула она.

И её пальцы снова начали свой танец.

Она чувствовала, как её магия касалась магии Морока. Это было странное, почти интимное ощущение — словно она прикасалась к чему-то живому, но совершенно иному. Его магия была холодной. Не просто прохладной — ледяной, как вода в горных ручьях, как дыхание зимы, проникающее под кожу. Владлина никогда не чувствовала ничего подобного. Её собственная магия была тоже холодной, но не до такой степени.

Но ей нужно было, чтобы его шар лопнул. Разрушился под её натиском.

Она давила, вкладывая всё, что у неё было. Но его магия была крепче. Она не поддавалась, не трещала по швам, не желала уступить. Каждая атака Владлины разбивалась о ледяную стену, не причиняя вреда.

Она сглатывала снова и снова — рот наполнялся слюной, как всегда бывало от перенапряжения. Пот заливал глаза, ресницы слиплись, и каждый раз, когда она моргала, едкая влага раздражала кожу, заставляя щипать глаза. Но Владлина не останавливалась. Она чувствовала, что на пределе. Что ещё немного — и она упадёт без сил.

Но признать поражение? Перед этим молчаливым типом в маске? Ни за что.

Она продолжала давить, хотя руки уже дрожали, а в висках стучало так, будто там поселилась целая стая воронов — противных. И вдруг, сквозь пелену усталости и отчаяния, в

голове всплыли слова Каэл'тура.

«Ты выплеснула всю силу за раз, не рассчитав удар. Надо было бить точечно, а не площадью».

Не площадью.

Владлина выдохнула, заставляя себя успокоиться. Она чуть ослабила напор — не прекратила атаку совсем, но уменьшила давление, освобождая часть сознания для другого. Для изучения.

Её магия, послушная новой команде, перестала бить в несколько точек и начала обволакивать шар, ощупывать, исследовать. Искать.

И она нашла.

Сначала Владлина подумала, что ей показалось. Но нет — там, в идеальной на первый взгляд тёмной сфере, прятались трещины. Не физические — магические. Микроскопические разломы в структуре, незаметные для беглого взгляда. Их было несколько, и они расходились тонкой паутиной, словно шар когда-то уже подвергался атаке и восстановился, но не до конца.

Владлина улыбнулась уголками губ.

Она собрала остатки сил и направила магию не на шар в целом, а в эти трещины. Тонко, точно, как иглу в ткань. Давление пошло по разломам, расширяя их, углубляя.

Шар Морока дрогнул.

По его поверхности побежала рябь, словно по воде от брошенного камня. Трещины поползли быстрее, расходясь во

все стороны, соединяясь друг с другом.

И он лопнул.

Без звука. Без вспышки. Просто исчез, рассыпался в тумане, который тут же растаял в воздухе, не оставив и следа.

Владлина смотрела на пустое место перед собой и не верила своим глазам. Она смогла.

Улыбка расползлась по её лицу — широкая, искренняя, счастливая. Усталость отступила на второй план, уступив место чистому, ничем не замутнённому торжеству.

— Кар. Молодец. Кар. — каркнул ворон, и в этот раз его голос не раздражал. Он даже захлопал крыльями, словно аплодируя.

Владлина почувствовала, как от этой похвалы внутри разливается приятное тепло. Улыбка стала удовлетворённой, почти самодовольной. Но тут же — вспышка осознания, перед кем она стоит — и радость схлынула, уступив место настороженности. Она снова стала серьёзной, спрятав эмоции под маску спокойствия.

Морок, кажется, даже не шелохнулся за всё это время. Стоял, как каменное изваяние, скрестив руки на груди.

— Кар. Надо будет. Кар. Помедитировать. Кар. — снова заговорил ворон. — Проверить твои. Кар. Потоки. Кар.

— Проверить? — нахмурилась Владлина, не понимая, к чему он клонит. — Зачем?

— Кар. Твоя усталость. Кар. Вызвана. Кар. Вмешательством. Кар. — объяснил ворон, склонив голову набок.

Владлина открыла рот, чтобы спросить, каким ещё вмешательством, что это значит и почему он не может говорить нормально, как все люди. Но передумала. Спросить — значит задержаться. А ей хотелось только одного: добраться до города. Но если надо медитировать...

— Ладно. Давай, — выдохнула она, собираясь уже плюхнуться прямо на мокрую осеннюю землю.

Но не успела. Морок молниеносно, почти незаметно для глаза, схватил её за руку. Его хватка была неожиданно крепкой, но не болезненной — скорее предупреждающей.

— Кар. Вернёмся. Кар. И сядешь. Кар. — каркнул ворон, и в его голосе послышались назидательные нотки.

— Э-э-э... хорошо, — растерянно протянула Владлина, косясь на его руку. — А сколько это времени займёт?

— Кар. Зависит от. Кар. Поток. Кар.

Ворон замолчал, и Владлина поняла: значит, долго. Скорее всего, очень долго. Весь день, а то и больше.

Она опечалилась. Город отодвигался куда-то далеко-далеко, в туманную дымку несбыточных мечт. Вместо прогулки по Акварию, вместо жемчужин и безделушек, вместо тёплой компании брата — сидеть и медитировать под присмотром этого молчаливого типа.

Олюква открыла глаза медленно, с трудом продираясь сквозь пелену сна. Первое, что она смогла разглядеть — это кожа. Тёплая, смуглая, идеально чистая. Она лежала на чьей-

то груди. На груди Каэл'тура.

Сознание включилось мгновенно, как от удара молнии. Олюква молниеносно села, отпрянув так резко, что едва не свалилась с широкой кровати. Сердце колотилось где-то в горле, щёки залила предательская краска.

Воспоминания возвращались обрывками. Вчера он разговаривал с командующими. Она слышала их разговор, потом пришла в палатку, искупалась, переделась в ночнушку... и уснула. Просто взяла и уснула. А сейчас она здесь. С ним. На одной постели. Обнималась.

Олюква прижала ладони к пылающим щекам и зажмурилась. Багисерцы, какой позор. Что он теперь подумает? Что она наглая, бесстыжая девица, которая...

— Ты сегодня сильно мёрзла.

Голос раздался так неожиданно, что Олюква дёрнулась всем телом. Она распахнула глаза и повернула голову. Каэл'тур лежал рядом, всё ещё с закрытыми глазами, но на его губах играла лёгкая улыбка. Он потянулся — лениво, по-кошачьи, и Олюква вдруг заметила, какой он... другой без одежды. Широкие плечи, крепкие руки...

Она поспешно отвела взгляд, уставившись в стену палатки.

— Олюква, — перестал тянуться и повернулся на бок, положив руку на подушку и оперев голову на ладонь, голос Каэл'тура стал мягче, — ты не стесняйся, говори, что тебе холодно.

— Я мёрзла? — переспросила Олюква, пытаюсь собрать мысли в кучу.

— Да, — кивнул Каэл'тур. — И очень сильно. Ты клубочком сжалась и зубами стучала. Я думал, ты разбудишь весь лагерь этим стуком.

— Неправда, — выдохнула Олюква, чувствуя, как щёки заливаются новым румянцем.

— Мурашки видны, — он показал свободной ладонью, проведя по воздуху. — Вот здесь. И здесь.

Олюква послушно уставилась на свои руки, потом на плечи. Никаких мурашек она не видела. Кожа как кожа.

— Ничего там нет, — пробормотала она.

Каэл'тур усмехнулся и вдруг одним движением сдёрнул с себя одеяло. Олюква замерла, не зная, куда смотреть. Она не видела его раньше без верхней части одежды. Ни разу. А теперь перед ней была грудь — широкая, с тёмными дорожками волос, уходящими вниз, под край штанов. Мускулы перекатывались под кожей при каждом движении, и Олюква поймала себя на том, что не может отвести взгляд.

— Видишь? — Каэл'тур указал куда-то в область плеча. — Следы от твоих рук. Ты вцепилась в меня мёртвой хваткой, когда я пытался укрыть тебя потеплее. Пришлось остаться, чтобы не разбудить.

Олюква проследила за его жестом и действительно увидела на его плече слабые красноватые полосы — следы от её пальцев. Она в ужасе подняла глаза на Каэл'тура.

— Я... я тебя поцарапала? — голос её дрогнул. — Прости, я не хотела...

— Глупая, — перебил он, и в его голосе не было ни капли обиды. Только тепло и забота. — Ты замёрзла. Спала. Ты не контролировала себя. Я же говорил — если чувствуешь дискомфорт, говори. А ты молчала и мёрзла.

Олюква опустила голову, чувствуя, как к глазам подступают слёзы — то ли от стыда, то ли от нежности, с которой он говорил.

— Я не хотела тебя беспокоить, — прошептала она. — Ты и так столько делаешь для меня. Для всех нас.

Каэл'тур вздохнул и сел, оказавшись совсем близко. Он протянул руку и осторожно, кончиками пальцев, коснулся её подбородка, приподнимая лицо, чтобы заглянуть в глаза.

— Олюква, — сказал он серьёзно, без тени улыбки. — Ты теперь под моей защитой. Это не просто слова. Если тебе холодно — ты должна сказать. Если страшно — сказать. Если больно — сказать. Ты поняла?

Она смотрела в его глаза — тёплые, почти золотые в утреннем свете, проникающем сквозь ткань палатки — и не могла вымолвить ни слова. Только кивнула.

— Хорошо, — улыбнулся он и отпустил её подбородок. — А теперь давай вставать. Нас ждёт завтрак, а потом... Аквария, помнишь?

Аквария. Город. Прогулка.

Олюква шмыгнула носом и улыбнулась сквозь остатки

смущения.

— Помню.

— Вот и отлично. — Каэл'тур поднялся, потянувшись так, что хрустнули суставы, и начал искать свою рубашку. — Одевайся. Герда обещала к утру приготовить твою новую одежду. Посмотрим, что там получилось.

Он вышел из палатки, оставив Олюкву наедине с её мыслями и бешено колотящимся сердцем.

Как резко Герда ворвалась в палатку без стука — впрочем, кто бы посмел требовать от неё соблюдения этикета? В руках она несла ворох ткани, из-под которого виднелись только её цепкие пальцы и край довольной ухмылки.

— Подъём, лесная красавица! — прогремел её голос, заставив Олюкву подпрыгнуть на лежанке. — Ночь уже кончилась, а ты всё дрыхнешь? Давай, давай, примерять будем!

Герда сгрузила принесённое на единственный в палатке табурет, и Олюква ахнула. Там было ВСЁ.

— Это... это всё мне? — выдохнула она, не веря своим глазам.

— А кому же ещё? — фыркнула боргунха, уперев руки в боки. — Я, между прочим, всю ночь не спала, дошивала. Но результат, сама видишь, того стоил. Ну-ка, давай рассмотривай!

Олюква несмело подошла ближе, протянула руку и коснулась верхней вещи. Это был плащ. Тяжёлый, тёплый, из

плотной шерсти серого цвета. Воротник был отделан мягким мехом, пряжка оказалась серебряной, с маленьким камешком цвета утренней зари.

— Примерь, — скомандовала Герда, и Олюква послушно накинула плащ на плечи. Тепло разлилось по телу мгновенно, словно плащ не просто согревал, а обнимал. Ткань оказалась удивительно мягкой, не колючей, хотя выглядела добротной и основательной.

— Сидит хорошо, — удовлетворённо кивнула Герда. — Длина в самый раз. Мех не будет мешать, если капюшон накинешь. Теперь дальше.

Она вытянула из стопки следующую вещь — рубашку. Тонкого льна, нежного кремового цвета, с длинными рукавами, которые чуть расширились к запястьям. Ворот был свободным, но не слишком глубоким, с вышивкой по краю — в виде листочков, от больших до мельчайших.

— Это нижнее, — пояснила Герда. — Под платье или под тунику. Ткань мягкая, тело дышит, тепло держит. Лён особый, я его сама у ткачей заказывала.

Олюква прижала рубашку к щеке и зажмурилась от удовольствия. Такого мягкого льна она в жизни не трогала.

— А теперь главное, — торжественно провозгласила боргунха и извлекла из вороха платье.

Оно было тёмно-синим, глубоким, как ночное небо над лесом. Ткань — плотная, но не тяжёлая, с лёгким блеском, словно в неё вплели звёздную пыль. Лиф платья облегаю-

щий, с аккуратной шнуровкой сбоку, чтобы можно было подогнать по фигуре. Юбка — широкая, но не слишком, чтобы не путалась в ногах при ходьбе. Рукава — длинные, чуть расклешённые книзу. А по подолу, по краю рукавов и вокруг выреза шла та самая вышивка золотом — уже не просто листья, а целые ветви с цветами и ягодами.

— Герда... — выдохнула Олюква, чувствуя, как глаза начинают щипать. — Это же... это же настоящее произведение искусства!

— Ну, не без этого, — довольно хмыкнула боргунха, но по её лицу было видно, что похвала пришлась по душе. — Примеряй давай. Времени мало, Каэл'тур уже ждёт.

Олюква скинула свою старую одежду и, путаясь в непривычных завязках, начала облачаться в обновки. Сначала рубашка — мягкая, ласковая к телу. Потом штаны — да, Герда сшила и штаны! Тёплые, чуть свободные, из той же плотной ткани, что и плащ, с завязками на щиколотках, чтобы можно было заправить в сапоги. А уж сапоги... Герда извлекла их из-под стопки в последнюю очередь.

— Вот, — сказала она, протягивая Олюкке пару мягких кожаных сапожек на толстой, но гибкой подошве. — Мех внутри, не замёрзнешь. И размер я твой запомнила, когда ты вчера босиком стояла.

Олюква и не заметила, что Герда запомнила. Она натянула сапоги и чуть не замурлыкала от удовольствия — ногам было тепло и уютно.

Сверху — платье. Оно село идеально, словно шилось именно по ней. Лиф облегал, но не давил, юбка струилась мягкими складками. Олюква покрутилась перед маленьким зеркальцем, которое Герда предусмотрительно прихватила с собой, и не узнала себя.

Из отражения на неё смотрела не лесная сильванка в обносках, а настоящая леди. Благородная, красивая, уверенная. Платье подчёркивало её тонкую талию, выгодно оттеняло светлую зеленоватую кожу, а синий цвет делал глаза ещё глубже и ярче.

— А это что? — заметила Олюква ещё одну вещь, оставшуюся на табурете. Небольшой поясной кошель из мягкой кожи, расшитый бисером.

— Для мелочи, — махнула рукой Герда. — В городе пригодится. И вот ещё...

Она протянула Олюкве длинный тёплый шарф, связанный из мягкой шерсти, и варежки — тоже тёплые, с вышивкой по краю.

— Чтобы руки не мёрзли, — пояснила боргунха. — Ка-эл'тур просил утеплить тебя по максимуму. Сказал, что мёрзнешь ты сильно.

Олюква прижала шарф к груди и снова едва не расплакалась. Забота, с которой были подобраны все эти вещи, каждая мелочь, каждый стежок — она чувствовала её физически.

— Герда, спасибо тебе огромное, — сказала она, глядя

боргунхе прямо в глаза. — Я... я даже не знаю, как благодарить.

— А ничего не надо, — отмахнулась та, но в её глазах мелькнуло что-то тёплое. — Ты девочка хорошая. Не чета некоторым. И Каэл'тур за тебя просил — а я ему отказать не могу. Он для нашего племени столько сделал... Ладно, соберись давай. Завтрак стынет, город ждёт.

Она вышла, оставив Олюкву наедине с отражением. Ещё раз покрутилась, погладила мягкую ткань, поправила вышивку на вороте. Потом накинула плащ, застегнула пряжку, повязала шарф и натянула варежки. В них было тепло и уютно, даже слишком — для осени, но для зимы, которая уже дышала в спину, самое то.

Она глубоко вздохнула, набралась смелости и вышла из палатки.

Солнце уже поднялось, разгоняя остатки утреннего тумана. Лагерь гудел голосами, пахло кашей и дымом. Люди оборачивались, когда Олюква проходила мимо, смотрели с удивлением и одобрением. Кто-то даже присвистнул, потом получив за это.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.